

М. С. ПОГРЕБИНСКИЙ

ТРУДОВАЯ КОММУНА

О Г П У

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

®

М. С. ПОГРЕБИНСКИЙ

ТРУДОВАЯ КОММУНА ОГПУ

ПРЕДИСЛОВИЕ И РЕДАКЦИЯ
М. ГОРЬКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ

1928

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. С. ГОДИНОВ
АХММОН РАБОДУР
ХПЛО

Издательство Академии наук СССР

Напечатано в тип.-лит.
им. тов. Воровского,
ул. Дзержинского, 18.
Главлит А 14655.
Тираж 15000 экз.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
ФЕЛИНСА ЭДМУНДОВИЧА
ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основным и ценнейшим качеством Советской власти является бесстрашие; сторонники «умеренности и аккуратности» оценивают его, как безумие. Не стану спорить о словах, пусть будет—безумие; отмечу только, что это не безумие лирически-настроенных мечтателей, которые пытаются «навеять сон золотой», а безумие реалистов, непоколебимо уверенных в том, что мир создан не словом, а деянием.

К. Маркс, родоначальник безумцев этого типа, очень хорошо сказал: «Философы пытаются так или иначе об'яснить мир, но дело в том, чтобы изменить его». Все в мире изменяет энергия и, разумеется, вполне естественно, что вожди трудового народа верят в силу трудовой энергии, как в единственную силу, которая должна и может частью развязать, а частью разрубить узлы жизни.

Что бы ни говорили скептики, лирики и враги Советской власти,—все таки она весьма успешно ведет борьбу с многоглавым чудовищем глупости, пошлости и подлости. Умеренные и аккуратные пытались отравить чудовище словами, но только сами себя отравили словом, и мы видим, что «чудище обло, огромно,

озорно и лаяй» легко поглощает словесников, усиливая за счет их плоти свою, хотя и огромную, но уже большую плоть.

Возможно, что сказанное выше слишком громко в предисловии в маленькой книжке. Но маленькая книжка говорит о великом и сложнейшем деле,—о дерзком опыте борьбы с преступностью и об удивительном успехе, одержанном в этой борьбе. Начало этому опыту дано энергией Ф. Э. Дзержинского,—он первый указал на необходимость немедля ликвидировать «беспризорность», поручив эту работу одному из ближайших сотрудников и товарищей своих Г. Г. Ягоде, а последний, при сотрудничестве с М. С. Погребинским, автором этого очерка, развили, в процессе работы, «заказ» Ф. Дзержинского, так как о том рассказывает книга.

Мне кажется, что среди всех попыток перевоспитания юных «правонарушителей», столь дерзкого и настолько успешного опыта еще не было и что такого рода смелые опыты возможны только в Союзе Советов. Буржуазия, ревностно заботясь об охране своих прав и преимуществ издавна, упорно и безуспешно работает над изобретением наилучшей системы борьбы с преступностью, но, кроме полной и суровой изоляции правонарушителя от «общества», ничего не выдумала. Правонарушитель для мещан—уже не человек, хотя, в большинстве, он тоже—мещанин, но—«не уравновешенный», т.-е. менее противный, менее подлый мещанин, чем тот, который является кирпичем в фундаменте всякого буржуазно—«благоустроенного» государства. В худшем случае правонарушитель-мещанин—неудачник, существо слабовольное и нетрудоспо-

собное, в лучшем—более ярко выраженный хищник, совершенно правильно развивающий до конца навыки своей среды,—среды хищников и паразитов.

Защищаясь от созданных им-же «социально опасных» людей, мещанство, в лице одного из своих ученых, итальянца Ломброзо, придумало учение о «преступном типе»; учение это доказывало, что в буржуазном обществе существует люди с «врожденной» склонностью к преступлениям; вывод из этой теории совершенно ясен: с такими людьми церемониться нечего, их необходимо уничтожать. Можно было сделать и другой вывод: если среда создает уродов, значит сама она—нездорова. Но, разумеется, такого вывода не было сделано и теория Ломброзо была использована для усиления наказаний «врагам общества»—мошенникам, ворам, грабителям—его детям по духу и плоти. В Америке возникла даже главная идея кастрации—«выхолащивания»—преступников; находили, что это очень хорошая мера «предупреждения преступлений», которые все более нарушают «благоденственное и мирное житие» мещан. Но невозможно вышвырнуть «дурную траву из поля вон», если засоренная почва не может родить ничего, кроме дурной травы.

Советская власть видит причины преступности в условиях классового государства, в силах той зависти, жадности и лжи, без которых это государство не может существовать.

Советская власть не считает «правонарушителя» неизлечимо больным, рожденным для преступлений и неспособным ни к чему более. Она хотела бы перевоспитать «правонарушителя», возвратить его государству рабочих, как честную и разумную трудовую единицу, как

человека, который сознавал бы: государство—его и все, что он делает, он делает для себя.

Книжка тов. Погребинского рассказывает именно о том, как можно вылечить человека, который, по силе тех или иных условий, попал на путь преступлений. Как увидите, опыт Трудкоммуны ОГПУ оказался вполне удачным, несмотря на его безумную — с точки зрения мещан — дерзость. В этом опыте ярко выражен подлинный гуманизм, какого не найдешь во всех книгах гуманистов. И особенно значителен опыт этот тем, что он неопровергимо доказывает воспитательное значение свободного труда.

Описанная в книжке Трудкоммуна не является единичной, по типу ее т. т. Ягода и Погребинский основали уже несколько таких же трудовых организаций, об'единяющих свыше десяти тысяч «беспрizорных» и юных преступников, — тяжелое наследие одряхлевшего «старого мира», империалистической и гражданской войн, а также — голода.

Совершенно изумительное впечатление вызвали у меня бывшие герои уголовной хроники и тюремные жители, когда я увидел их за станками мастерских Трудкоммуны. Глядя на них, не веришь, что все они сидели в тюрьмах и что среди них есть бывшие «налетчики», люди едва избежавшие «высшей меры» наказания. Все здоровые, ловкие, хорошо построенные ребята; очень редко мелькают дегенеративные, тупые или болезненные лица. Может быть, именно ничтожный процент таких лиц и об'ясняет — частично — факт горячего увлечения членов Трудкоммуны, привыкших к «легкой» жизни, не легким трудом, который широко открывает перед ними путь к новой жизни. Приятно отметить в

этих людях сознание ими своего достоинства и независимость их отношения к организаторам коммуны, Ягоде и Погребинскому, которые знают их поименно и знают детально биографию каждого. Ребята действительно чувствуют себя полными хозяевами Трудкоммуны, с гордостью свободных работников они говорят о том, что живут «на свой счет» и что в новостоящемся корпусе будут вырабатывать 300.000 пар коньков. Кроме этой Трудкоммуны, я видел другую, на 1.300 человек, помещенную в Николо-Угрешском монастыре. Она организовалась только семь месяцев тому назад, но в ней уже начали работать обувная, слесарная и древообделочная мастерская, работает «скульптурная», изготавливая различные бюсты, фигуры, пепельницы и т. д. Огромная монастырская, гостиница перестраивается под фабрику. Собор, постройки XVI века, закрыт и тщательно охраняется, а в новом соборе устроен клуб.

Среди этой тысячи — те самые ребята, которые осенью 27 года устроили буйство в Звенигороде, сфабриковали порох, сделали ружья из водосточных труб, стреляли, взрывали стены здания, где они жили. Печать эмигрантов отметила этот «бунт» с полным моральным удовлетворением, как один из бесчисленных признаков «разрухи» в Союзе Советов. Но юные буяны теперь весело и неутомимо очищают владения монастыря от грязи, убирают мусор на стройке, разбивают в саду новые клумбы, — вообще, устраивают «свое хозяйство». Здесь, так же, как в Москве на пункте, куда милиция приводит «беспрizорных» с улиц, не сразу веришь тому, что видишь, а видишь — здоровых детей. Должно быть это — результат «естественного отбора наиболее выно-

ливых», а слабые, отравленные кокаином и алкоголем, разрушенные преждевременной сексуальной жизнью—уже погибли.

Не менее, чем все другое, поражает обилие даровитых ребят, в этой шумной массе много испытавших бродяг и бойких уличных воробышек. Возникает уверенность, что многие из них вырастут недюжинными людьми. Хочется очертить фигуры и характер некоторых, но здесь не место этому. Да и опасаешься: не повредить-бы ребятам похвалою, они и без этого достаточно высоко ценят себя. Крайне поучительно знакомство с этой молодежью, которая—не будь революции—так бы и осталась жить на путях из тюрьмы в тюрьму. Но вот смелая и счастливая мысль двух коммунистов открыла пред ними дорогу к свободному труду, а через труд—к самопознанию и культуре.

Чем Ягода и Погребинский сумели возбудить трудовой энтузиазм в ребятах, анархизированных уличной жизнью?

Очерк Погребинского хорошо отвечает на этот вопрос: порыв к труду вызван у детей доверием к ним, убеждением в том, что если человеку дать возможность свободно работать,—он будет работать охотно и честно. Ребята Трудкоммуны ОГПУ блестяще оправдали доверие, оказанное им.

Сделано и растет хорошее, глубоко-поучительное дело.

М. Горький.

Горький в Коммуне. В центре Горький (*), справа Ягода (**).

ТРУДОВАЯ КОММУНА ОГПУ

ЧТО ТАКОЕ ТРУДКОММУНА ОГПУ

Недалеко от Москвы, в одной версте от ст. Болшево, по Северной ж. д., на большом куске бывшей барской земли, развернулась своими корпусами фабрик, мастерских и общежитий Трудкоммуна ОГПУ.

В этой коммуне живут и работают юноши и девушки, бывшие правонарушители—рецидивисты. Цель коммуны—перевоспитать этот молодняк, имеющий по несколько лет преступного стажа, в честных и сознательных рабочих, более или менее высокой квалификации.

Известно, что цель эта преследуется не только описываемой коммуной и что у нас имеется ряд организаций, которые работают над вопросом перевоспитания правонарушителей.

Отсеиваются и оседают подростки, хотя и анархизированные жизнью «на воле», однако наименее волевые, еще не способные или мало способные к добыче куска хлеба путем правонарушений. Они, в большинстве социально-больные, но их еще нельзя назвать социально-опасными, хотя они легко могут быть и легко становятся такими. Те из них, чья энергия и находчивость не дает возможности мириться с жизнью трудкоммуны, бросают ее, чтобы снова, на бульваре, на

улице, острым, внимательным взглядом ощупывать содержание чужого кармана и запускать в него ловкую руку. Попробуйте такого парня убеждать возвратиться обратно в детдом и вы ничего не услышите от него кроме:

—«Я понимаю, что когда вырасту, мне придется погибнуть, а все таки жить в детдоме не буду».

Но почему же в Трудкоммуне ОГПУ живут на совершенно добровольных началах 165 человек, имеющих большой преступный стаж. Почему же они довольны своей жизнью? Разве не ярок факт, что ни один из всей массы этих ребят не сменил трудовую, подчас довольно тяжелую жизнь коммуны на легкую жизнь улицы? И разве не показательно то, что учредитель коммуны, не только навсегда отвоевал у преступного мира этих подростков и, что эти бывшие правонарушители оказались не хуже обычных организованных подростков, когда им предоставили возможность свободно организовать свою жизнь? Внутреннее самоуправление организовано и дисциплинировано. Культработа развернута так широко, что крестьяне соседних сел и деревень праздничными вечерами отправляются развлекаться в коммуну? Клуб Трудкоммуны посещается не хуже, чем клуб любого завода. В читальне всегда можно видеть над книгой или газетой склоненную вихрастую голову. Кооператив у коммуны таков, что пожелаешь любому советскому городишке. Разорили лавочника кулака в соседней деревне и привлекли з деревни к своим прилавкам.

«Мы заставим закрыть и в 2-х других деревнях свои лавки кулаков—вот только срок дай»—мечтает кооперативная комиссия, председатель которой до ком-

муны воровал 9 лет, а кассир 4 года. Да, воровали, а теперь с 5.000 руб. одни уезжают в Москву за закупками для кооператива. И ни одной копейки дефицита, ни копейки «утечки».

Производственная жизнь протекает так, что почти не было злостных прогулов. И это среди тех, кто многие годы привык наслаждаться бездельем.

Каким же образом достигли таких результатов? Только тем, что фундаментом Трудкоммуны, после длительного изучения форм воспитания этих ребят, были положены 3 основных принципа, на которых благополучно живет и ширится коммуна. Суть этих принципов такова: в коммуне не должно чувствоватьться ни малейшего намека на принуждение, ребята, решившие зажить коммунальной жизнью, должны сознавать, что они пришли в коммуну не подневольными людьми с уголовным прошлым, а по своему желанию—«хочь живи, не хочь—ходи». Вот чрезвычайно простой, но основной момент жизни коммуны. Поэтому ни о конвойной страже, ни о чем другом, стесняющем свободу ребят в коммуне, речи нет. Этот принцип «открытых дверей»—создает такое настроение у ребят, что они не чувствуют себя в воспитательном учреждении, которое хочет производить над ними какие то педагогические опыты, а они—свободные люди, понявшие невозможность продолжать «легкую», но в сущности, не легкую жизнь и желающие ее сменить на трудовую. Отсюда вытекает второй принцип коммуны: «Чтобы жить трудовой жизнью, надо уметь, что нибудь делать». Поэтому вся жизнь коммуны подчинена обучению ребят какому либо труду. Это особенно нравится ребятам. Получить квалификацию—мечта любого парня в 18—

20 лет. Поступить на завод, быть совершенно самостоятельным, хочет каждый из них.

Но для того, чтобы получить квалификацию, требуется производство, работающее нормально, без перебоев, а это возможно лишь тогда, когда у всех ребят имеется чувство ответственности за взятую работу и когда их психика достаточно дисциплинирована.

Так были связаны вместе две основные задачи по воспитанию этих ребят: приучить их к труду и на его основе заставить ребят перевоспитывать себя. Затем было установлено: пресекать отдельные «старые» замашки ребят не уговорами воспитателя, потому что как бы он ни был талантлив, он в данном случае делу не поможет. Ввели 3-й принцип, на котором построена коммуна: принцип круговой поруки: «Все отвечают за каждого» и, таким образом, то, чего невозможно добиться проповедью морали, лекциями, угрозами, оказалось просто и легко, когда каждый парень почувствовал, что ему придется отвечать за свои действия не перед администрацией, а перед коллективом—общим собранием членов коммуны.

На этих основных принципах и организовалась Трудкоммуна ОГПУ. Много было неверующих в это дело, многие сомнительно качали головами, слушая об этой затее. Да и как верить в такое дело, когда известно, что беспризорники бегут даже из закрытых учреждений. А тут собираются воспитывать на свободе закоренелых преступников, да еще берется за это дело ОГПУ, организация, которой боятся больше чумы. И если прибавить, что ребята, зачастую, ненавидят и советскую власть и ее вождей, то становится особенно ясна величайшая трудность работы по созданию свободной трудовой коммуны.

Несмотря на это теперь, когда коммуна существует уже 4 года, вполне можно говорить о ее значительных достижениях в деле перевоспитания преступников. Уже после годовой, серьезной работы удалось внушить ребятам не только элементарные основы колLECTивизма, но и пробудить личную творческую инициативу. Если сейчас взглянуть в стенгазеты коммуны, не верится, что в ней пишут именно те люди, которые не так давно были безграмотными и невежественными человеконенавистниками. Да и сам облик бывшего преступника изменился.

В коммуне нельзя встретить угрюмых, грязных людей, которым кроме тюрьмы ждать нечего. Вы встречаете там открытые лица, свободно беседующих с вами ребят. Они гордо и весело рассказывают про свое житье-бытье, не скрывают, что пришли сюда группами и в одиночку из тюрьмы, где должны были просидеть от 3-х лет и больше; некоторые с гордостью покажут свой студенческий билет, они приняты в трудовую рабфаковскую семью. И это—не удивительно. Рабочее государство только так может определять задачу воспитания молодых преступников, только одну цель оно может себе поставить: дать «социально опасным» возможность исправиться, возвратиться в рабоче-крестьянскую семью всех кто, в силу целого ряда условий, оторвался от честного труда.

Бывшие хулиганы, преступники и лентяи легко привыкают к трудолюбивой жизни. Бывшие безграмотные жадно учатся, стремясь к высшему образованию. Поистине много чудесных достижений в Советской Республике и одно из них—недалеко от Москвы на 27 версте в селе Костино, в Трудкоммуне ОГПУ.

ПЕРВЫЕ КИРПИЧИ КОММУНЫ

Среди преступников есть определенное количество подростков и юношей, которое нужно во что бы то ни стало попытаться вырвать из тины преступной жизни. ОГПУ встало перед задачей—каким образом воздействовать на этот молодняк, чтобы его перевоспитать? Решали организовать группу ребят «правонарушителей», взятых прямо из тюрьмы в трудовую коммуну на добровольных началах и окружить ее атмосферой сознательного труда. Заранее никаких планов не строили, наоборот опасались об этом громко говорить: так много было трудностей и так мало было уверенности в том, что коммуна оправдает свое название—трудовой. Шутка сказать: брались за дело, не имевшее себе примера в прошлом, за дело, от которого зависел серьезнейший вопрос—будет ли найдено, наконец, то звено, держась за которое мы сможем вытащить всю цепь молодой преступности и беспризорности и поставить их в такие условия, где бы они совершенно переродились; ОГПУ, берясь за эту ответственнейшую задачу, более года старалось ее выполнить без широкой огласки, осторожно и тщательно отделявая в ней каждую деталь.

Первое с чем столкнулись учредители коммуны—

это выбор местности. Совершенно очевидно, что есть громаднейшая разница в том, будет ли коммуна существовать в городе или вдалеке от него. Здесь, кроме технических моментов, не последнее место занимают и вопросы воспитательного характера. Из опыта подобных воспитательных учреждений, организованных в черте города, сразу бросается в глаза, что в них с большим трудом устанавливается внутренняя дисциплина. Ребята часто бродят по городу,—не привыкают во время собираться в общежитие. В свободные от занятий часы он уходят в город, где остаются вне всякого воздействия со стороны воспитателей. В это время они имеют возможность встречать своих бывших друзей, заводить новых, наблюдать жизнь бывших товарищей по воле. И тут то перед ними раскрываются те городские соблазны, которых они старались добиться не трудом, а ловкостью своих рук. Искушение часто берет верх над хорошими убеждениями их воспитателей, и ребята, о которых иногда уже можно было думать, что они не вернутся к своему позорному ремеслу, опять начинают промышлять воровством. Алкоголь снова находит в них потребителей, вновь завязывается у них тесная дружба со взрослыми опытными ворами и, в результате, ребята подыскивают для себя более привычное убежище, нежели детдом или другое воспитательное учреждение.

В Трудкоммуну ОГПУ намечено было взять воспитанников прямо из тюрьмы, поэтому трудно было надеяться удержать их в Трудкоммуне, если бы они всегда имели перед глазами искушения города. Поэтому и решено было выбрать место для коммуны вне городских пределов. Но в то же самое время нельзя выводить ее далеко от города и железной дороги. Во-

первых, будет неудобно доставлять в отдаленную местность продукты питания, всякого рода вещи, орудия, это удорожило бы содержание Трудкоммуны; во-вторых, что самое главное, немыслимо создать в отдаленной от ж. д. местности большое производство,—это удорожало бы фабрикаты трудкоммунского производства и, наконец, в-третьих—это плохо повлияло бы на психологию ребят. Им все время казалось бы, что они находятся в своеобразной «ссылке». Не нужно забывать, что все они привыкли жить в больших городах, их давила бы совершенная отчужденность от города. Все эти соображения ОГПУ целиком подтвердились. Потом, когда Коммуна уже существовала, к ребятам приезжали советоваться т.т. из редакции «Правды», задумавшие организовать Коммуну в Совхозе, находящемся в 100 верстах от Москвы и 15 верст от железной дороги. Коммуна самым категорическим образом настаивала на том, чтобы «Правдисты» отказались от этой мысли. Сами ребята особенно отмечали, что они будут сильно угнетены, при мысли, что их хотят куда-то далеко «заслать», оторвав от привычной городской жизни.

Исходя из этих соображений ОГПУ подыскало такое место, которое находилось недалеко от Москвы и станции жел. дороги, в усадьбе Крафта, около деревни Костино по Сев. ж. д.

Устроив в бывшем барском доме общежитие для ребят и небольшие мастерские, организаторы коммуны направились в тюрьму для выбора будущих членов коммуны. Это была весьма ответственная задача, т. к. от этого первого выбора зависела будущность Трудкоммуны. Товарищи, поехавшие в тюрьму, сознавали, что им нужно с первого же раза создать у ребят серьезное

отношение к этому делу, показать, что вся организация коммуны задумана серьезно «по-новому» и что в ней не будут производить «воспитательных» опытов. Нужно доказать ребятам, что главная задача коммуны—это дать трудовую квалификацию и этим привлечь их. Трудно растолковать это людям, которые в своей хотя немноголетней, но весьма бурной жизни—успели почувствовать себя враждебными «обществу» и Советской власти,—людям, которые привыкли к легкой наживе и ненавидят всякий честный труд.

Они очень осторожно беседовали с организаторами коммуны, стараясь докопаться: нет ли здесь «чекистского подхода? Не хотят ли их завезти на «не подходящую» для них работу? Так думали они, угрюмо выслушивая работников ОГПУ. Последние знали, что имеют дело с преступниками и наркоманами, но в то же время—с людьми, в которых жизнь выработала и сметку, находчивость, и ловкость. Вероятно их можно увлечь идеей свободной работы в коммуне, но на это требуется много труда и чрезвычайная осторожность. Мерами насилия, грубого взнудзивания ничего не сделаешь. Только в простой искренней беседе с каждым, отдельно, можно выяснить способность его попробовать зажить новой жизнью. Так и делали. На призыв откликнулось 15 чел. Недоверчиво шли они переодеваться в новое платье. Не верилось, что они, отныне,—свободные люди и опасливо оглядывались на часовых тюреммы, загадывая: сколько же конвойных пошлют с ними?

Но тут начинается необыкновенное: им, арестантам, вручают деньги на железнодорожный билет до коммуны и никаких конвойных не посыпают с ними. Едет только заведующий Коммуной. Действительно,—как будто сво-

бодные люди? Но не убежать ли? Нет, надо подождать что то очень непонятно, кроме того, и лестно—доверяют!

Приехав на место, двух ребят отрядили с деньгами за ужином. Это уже совсем странно: отпускают одних с деньгами, а конвоя нет! Ребята закупили провизию, вернулись и аккуратно вручили сдачу. И уже совсем поразило их, когда заведующий, показав общежитие обяснил: «Все, что вы ребята видите—обмундирование, пища, инструменты,—все это дается Вам в долг ОГПУ, и за все это вы, потом, должны будете уплатить».

Похоже на сон. Бесправный арестант вдруг превратился в человека, которому предоставляют все нужное для честной трудовой жизни. Значит—видят в нем не только преступника.

Много мыслей волновало каждого из этих парней, когда они лежа в новом месте, с окнами без решеток и коридорами без часовых, засыпали под шопот деревьев, барского парка.

А утром следующего дня ребята поплы работать в маленькие мастерские.

Так был положен первый камень фундамента Трудкоммуны.

Не особенно удачный материал для перевоспитания представляли эти первые коммунары. Уже одно то, что каждый из них отбывал наказание по суду в тюрьме, где должен был просидеть в лучшем случае 3 года—многое говорит. Не было ни одного парня, который бы задерживался угрозыском один два раза, каждый называл цифру приводов ¹⁾ 3—4 раза и больше. Все они

¹⁾ „Привод“—задержание по подозрению в краже.

Горький стоит вместе со всем составом Коммуны.

давно уже оторвались от своих семей и многие годы ведут воровскую жизнь. Их биографии настолько схожи между собой, что узнав одну, можно распространить ее на большинство. Но все-таки мы здесь даем несколько биографий, написанных самими воспитанниками коммуны.

БИОГРАФИИ¹⁾

— «Я ушел из дома 9 лет. Отец и мать живут в Москве. Но я не хотел жить у них и учиться. Я убежал на улицу. Воровал по карманам. Жил у больших жуликов, иногда в Ермаковке. Был в Ленинграде, Туле, Курске. Сейчас мне 13 лет. Имею три судимости и 15 приводов. Сидел в милиции и в Серпуховском исправдоме. А потом меня забрали в Коммуну. В Коммуне мне нравится».

**

— «Я рождения Рязанской губернии, гражданин г. Рыбинска. Я в 1916 г. убежал от матери к своей бабушке, где находился до 1917 г. Жил я у нее сперва хорошо, потом она меня стала ненавидеть, что я вот у нее живу, а мать не знает, думала, что ей за это попадет. Ну, я вижу, что бабушка косится и сказал ей, я уйду завтра. Она мне не сказала ничего. Утром встал я, умылся, оделся и ухожу. Она стала спрашивать, куда ты уйдешь, я ей ничего не сказал. Вышел из дома, пошел на Брянский вокзал, где и ночевал месяца три. Потом познакомился с ребятами и они меня взяли с собой воровать. Приходит Киевский поезд. Пассажиры стали выходить и вот мне ребята говорят, бери корзину, что боишься. Я подумал, что они смеются,

¹⁾ В биографиях исправлены только орфографические ошибки, стиль неправлялся.

подхожу к корзине, беру ее, только стал отходить, слышу: «Держи вора!» Я обернулся, смотрю бегут ко мне. Я бросил корзину и дунул бежать. Мне ломовой подставил ножку, я упал, тут прибежал потерпевший и стал бить меня. Потом взял и повел в 11-е Отделение Милиции. На утро меня ведут в МУР из МУР'а в комиссию малолетних, где меня отдали на поруки. Когда меня комиссия отпустила, я все-таки пошел к товарищам, а не к матери. Тут я уже не стал ходить со многими, а нашел себе хорошего, который уже не раз сидел, и вот он меня стал приучать к карманной профессии. С ним я стал ходить воровать. Вот как я в первый раз залез в карман: идем мы по Смоленскому рынку, он увидел кошельек в кармане, и говорит мне, бери только тише, не шухерни, бери двумя пальцами. Я брал, двумя пальцами никак не ухвачу, полез целой рукой и попался. Ведет меня потерпевший в комиссариат, там меня оставили. На утро повели в комиссию, там говорят: «Ты только три дня тому назад был у нас». Я говорю: «Да, был». Попечитель мне говорит: «Ну куда тебя отпустить? Завтра опять приведут. Мы тебя направим в колонию». «Подходит к милиционеру и говорит: «Отведи его в Рукавишниковский приют». Приходим в Рукавишниковский приют, там меня оставляют и на другой день отправили в колонию на Ярославской ж. д. ст. Пушкино. Там я прожил до 20 лет. Там жить было хорошо сперва, а потом привели двух воспитателей один другого злее и они стали бить, меня, заставляли чуть ли не босиком зимой ходить в лес дрова пилить. Словом стало плохо, и вот в один прекрасный день мы сходимся в одну комнату и сговариваемся бежать. На утро идем работать и кто куда,

кто пошел на станцию, кто в лес, все ушли. Это было в начале 21 года. Приезжаю в Москву, иду на рынок, украл, пошел в чайную, пошел в притон, сел в карты играть, проиграл деньги, остался гол, как сокол. Но недолго гулял снова попался за кражу, привели в комиссию там не принимают—отказались. Передают дело в МОНО, оттуда меня снова направляют в Рукавишниковскую, там бежал я и добегался до того, что ни Комиссия, ни МОНО не стали принимать. В 22 г. я попал в Народный Суд за кражу, мне дают 2 года тюрьмы. Сидел в Таганке. Из Таганки меня направили в Нижний-Новгород, просидел 1 год. Год, по амнистии, скинули, а когда освободился, опять недолго я гулял. Попадаюсь за кражу, мне дают срок 1 г. 6 м. Из этого срока просидел 1 г., когда освободили гулял очень мало; взяли на изоляцию, дали 3 г. и отправляют меня в Ленинград. Там не принимают, привезли обратно в Бутырскую тюрьму. Из Бутырской тюрьмы направили в Серпуховский арестный дом откуда мы сделали побег. Вот как был побег. Сидим мы в Серпуховском один месяц и думаем срок большой как бы убежать? Решили из столовой, хором во время ужина. Подходит утро ждем ужина. Стоит дядька с нами. Мы его обманули, сказав, что его зовут. Он вышел из столовой на кухню. Мы заперли палкой дверь столовой тоже пошли на кухню и там зажали ему рот, чтобы он не орал. Когда схватили его, то все хлынули бежать, а он вырвался и стал кричать: «Караул, тревога». Стали стрелять. Но многим удалось уйти: из 30 чел. убежало 5 чел. а 8 человек отправили в ОГПУ. Вот, что я мог написать о своем похождении. Фамилия моя правильная. Сле-

дует фамилия, имя—липа¹⁾ Никитин Степан. Судимости 3, приводов не могу сказать правильно, но все-таки порядочно, штук 15».

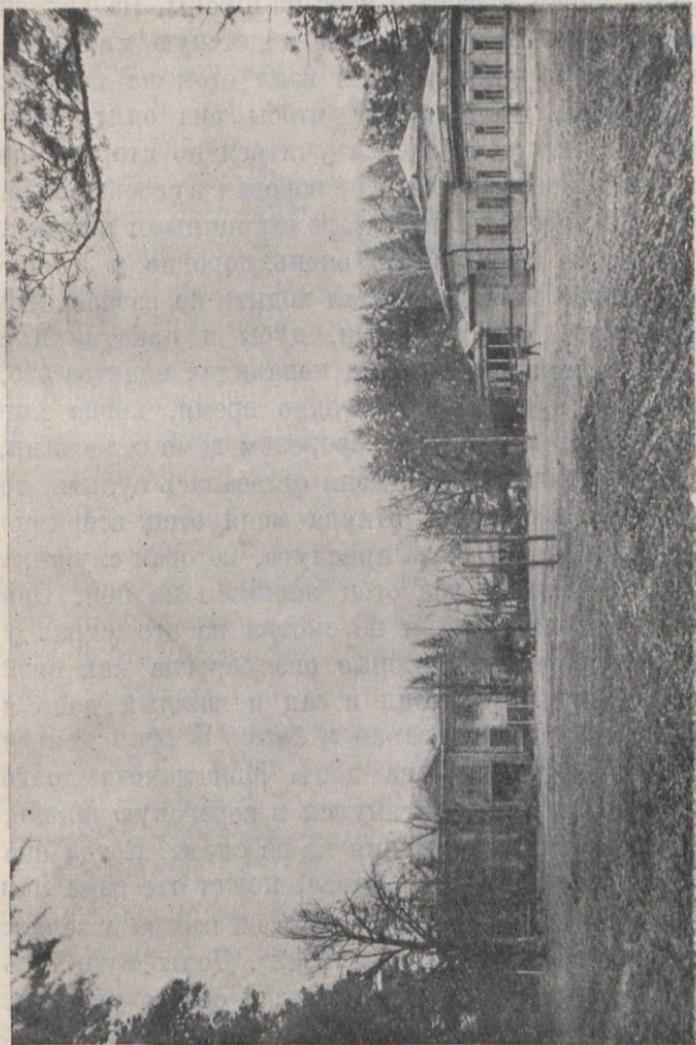
**

— «Я помню себя с трех лет после смерти матери. Я жил в г. Ельце с отцом и двумя сестрами. У отца был свой дом, пивная и книжный магазин. С 6 лет я уже бегал по пивной и любил пить ситро. В пивной я конечно, слышал разные плохие слова и видел драки. Я понемногу стал привыкать ругаться. С 7 лет я стал разбираться что такое деньги. Иногда находил гривенники и пятаки под биллиардом, а иногда и проверял кошелек сестры. И первая моя кражा была такова: я украл из пивной дюжину вилок и продал их тут же не далеко от пивной. 8 лет меня стали учить дома читать и писать, но, конечно, я это не любил, всегда бегал от сестры, которая учила меня. Иногда даже не ходил обедать и только из-за того, что боялся что меня заставят сидеть дома и учить уроки. И иногда приходилось уходить из дома на несколько дней из-за уроков. 9 лет меня отдали в школу, но я и в школе ненавидел эти уроки и задачи. Всегда оставался в классе без обеда и почти каждый день был наказан учительницей. Учительница, которая учила меня была очень хорошая, но и у неё не хватало терпения заниматься со мной. Она сколько раз вызывала моего отца и жаловалась на меня. Отец меня много раз бил, ставил в угол илиставил на колени посередине комнаты. Так как мой отец был поэт,

¹⁾ Вымышленная. Автор этой биографии в настоящий момент является одним из активных работников коммуны.

он писал в Орловском Вестнике и имел несколько книг своего сочинения. Он послал меня торговать газетами, книгами, телеграммами. Когда я торговал газетами, я стал еще больше понимать, что такое деньги, что на них можно сделать и где их можно взять. Когда я приходил на табачную фабрику, то я стал соображать, что тут можно взять табаку сколько хочешь. Это дело было зимой и я ходил в поддевке на вате и когда я приходил домой то я все время думал, как бы мне сделать, чтобы украсть побольше табаку. И наконец я надумал: я вырвал из своей поддевки всю вату и когда я приходил на табачную фабрику то я в подкладку своей поддевки заместо ваты набивал фунтами табак. Иногда я приносил с ф-ки 50 осьмушек табаку. Когда я рано утром уходил из дома в типографию, то я заместо 100 шт. газет брал только, 10, для того, чтобы только пройти на фабрику, и набрать побольше табаку. Этот табак мне приходилось продавать торговкам за пол-цены. Когда я продал свой краденый табак, то я уже не знал куда девать мне деньги. Я стал играть с ребятами в карты. И вот эти карты еще больше меня подтянули к воровству. 10 лет я уже бросил продавать газеты и стал заниматься кражами по возам. Отец про это не знал. Когда он меня спрашивал, куда я иду, то я говорил или в школу или торговать газетами. Это дело было до революции. В этот год, когда мне было 11 лет, т.-е. в 17 году была революция. У отца отобрали дом, биллиарды и запечатали магазин. Отец стал жить на квартире, но не очень бедно. Я все время жил с отцом, кое-как учился в школе и занимался кражами. Один раз после занятий в школе я остался когда все ушли, то я залез к учительнице в стол за тетрадками и перь-

У в'езда в Коммуну. Справа—клуб и культурные учреждения Коммуны. Прямо—общежитие. Перед ними—площадка для баскетбола.

ями и увидел там ее ручные золотые часы. Забрал все тетради, перья и часы и убег из школы. На другой день меня поймали и посадили в детскую милицию. Посидел я там 11 дней и меня взял отец на поруки. Кое-как упросил учительницу чтобы она опять приняла меня в школу. И я стал учиться по старому но уже после большой взбучки я не воровал в своей школе. Отец мой стал торговать на базаре старинными вещами. В зимнее время дрова были очень дорогие и я еще нашел себе новое ремесло: я стал ходить по разоренным домам и ломать всякие доски, дубы и накатники с потолка для топки печей. Отец ненавидел меня за это, но я все-таки продолжал. В одно время, когда мне было 14 лет меня поймали в разоренном доме с досками, так как детская милиция от меня отказалась судить, то меня передали в нарсуд, откуда меня отец вторично взял на поруки. У нас была прислуга, которая служила у нас 7 лет. И на 8 год отец женился на ней. Она была очень хорошая, но я не смотря на это украл у нее 600 руб. керенок, которые она берегла как свой глаз. Эти деньги я спрятал в сад и каждый день я приходил в сад как все равно в банк. Я брал деньги сколько мне требовалось на день. Моя мачеха долго плакала, но я настолько втянулся в воровскую жизнь, что даже не обращал внимания на ее слезы. Когда она станет спрашивать у меня: «Павел, может ты взял мои деньги или знаешь кто их взял», то я ей всегда отвечал: «Я их не брал и не знаю кто их взял». Долго мучились со мной родители, но я все не бросал своего ремесла. Когда мне было 17 лет, то у меня было уже три судимости и штук сто приводов. В январе 1925 года у нас в г. Ельце была изоляция и меня забрали в Уголовный

Розыск. Просидел я там два дня и на третий день привели еще 50 чел. И нас всех отправили в Елецкий исправдом. Просидел я там три недели и меня отправили в Орловский изолятор. Просидел там 4 дня мне принесли бумажку на три года Соловков. Но как мололетнему заменили труддомом. Но так-как в Орле труддома не было, меня оставили в Орловском изоляторе в камере малолетних для отбывания своего срока. Я два раза просил о помиловании у Калинина, но оба раза пришло «отказать». После этого я написал письмо, но его не пропустили. Я не унялся этим, продал две пайки черного хлеба за 5 коп. и за эти пять коп. я купил себе бумаги и конверты и еще раз написал письмо Калинину. И когда принесли моему товарищу передачу из дома, то я попросил передать это письмо на волю и опустить в почтовый ящик. Долго ждал ответа и наконец через два мес. мне приходит бумажка сократить срок до 2-х лет. Просидел еще 4 мес. пришло такое постановление всех кто осужден Коллегией ОГПУ не держать в изоляторе, а отправить немедленно в Соловки. И меня отправили в Соловки, где я очень много перенес горя. В 1927 г. в январе мес. меня освободили и я поехал опять в Елец. В Ельце я женился на одной вдове. 3 мес. работал в слесарной и на 4-й снова стал вступать на старую дорожку, т.-е. пошел воровать. На пятый месяц я пошел судиться и получил 6 мес. Но меня не посадили, потому что я мог обжаловать в Губсуд. Срок мой был две недели и за эти две недели я еще раз попался в квартире милиционеру. Меня задержали и отправили в милицию. В милиции просидевши два дня на меня написали постановление чтобы отправить в исправдом. Постановление уже написали и понесли к начальнику

на подпись, но я тут же убежал, спрятался в разоренном доме на потолке за трубой и просидел там весь день, а вечером побежал на вокзал; по пути украл весы которые продал за 12 рублей и мне как раз хватило на билет до Москвы. В Москве я уже стал больше воровать, фамилия у меня была другая, отец мой в это время служил в Москве. Когда он меня спросил, зачем я приехал, я ему говорил, что мне надоело жить в Ельце. Пожил, я в Москве 5 мес., заработал еще одну судимость, по суду получил 1 мес. После отсидивания моего срока я узнал, что скоро будут собирать всех правонарушителей и беспризорных и организовать труддом или Коммуну. Я с удовольствием пошел в МУУР и попросил чтобы меня отправили вместе с теми, которых набрали на улице. Меня отправили в Звенигород. В Звенигороде я смотрел на обе стороны и выбирал, что лучше: воровать или жить в коммуне. И решил остаться жить в коммуне, до тех пор пока из меня не выработают честного, квалифицированного человека. Теперь моя жизнь стала много лучше, да и самому как-то приятно жить так, как живут все честные рабочие. И я надеюсь, что в скором будущем я стану в ряды честных квалифицированных рабочих».

**

— «Жил я с родителями в гор. Луганске. Наш дом помещался близко от базара. Раз пройдешь — ребята в картишки дуются, другой раз пройдешь, на третий познакомишься. Решил я таким образом бежать из дома. Убежал. Поехал в Миллерово. Там снюхался с ребятами. На станции воровал «берданки». Когда ушел из дома, мне было 7 лет, восьмой. В 1921 г. из Милле-

рова отправился в Воронеж. Там побыли немного, пошли на базар. С воза взяли покупку и погорели на ней. Просидели меньше 2-х недель. Выпустили. Уехал в Шахтную. По дороге имели остановки на станциях тихих, чтобы без агентов ОГПУ. Крали там разное барахло. В Шахтной обокрали дом днем. Вещи везти в Ростов не было смысла. Из-за вещей поспорили с товарищами. Когда на базаре продавали вещи—забрали всех. Дело взял на себя, потому что я несовершеннолетний и с меня меньше спросу. Дали мне месяц, но просидел меньше и сейчас же уехал в Батайск.

На Батайском базаре украли денег и сели на поезд по билету и поехали по Рязанской дороге к Батуму. Клиент мой первый в Шахтной от меня откололся и я взял себе другого. В Батуме сидел немного, уехал в Тифлис. Ездил в Баку с пересадками и остановками. Доставали денег. В Баку жил долго. Оттуда поехал в Ганджу. Ездил по Закавказью много. Грузины очень били и я уехал в Москву. Это зимой 1927 г. На вокзале меня взяли и отвезли в Звенигород. Сначала мне там не понравилось. И я всяко нарушал дисциплину. Но потом познакомился с сознательными ребятами и понял, что нужно исправиться. Теперь уж я на улицу больше не пойду. Хочу получить квалификацию и жить честно».

**

— «Мое детство протекало в хороших условиях. Семья моя была из зажиточных. Отец держал несколько чайных. Мой старший брат относился ко мне плохо. В 1914 г. 10 лет я поступил мальчиком в парикмахер-

скую в Москве на Немецкой улице. Проработав 2—3 мес. я убежал домой, потому что я заменил кухарку, горничную, кого угодно: работать приходилось до 18 час. в сутки. Дома меня отправили в другую парикмахерскую на Разгуляе, где я проучился 8 мес. В парикмахерской была специальная кружка для чаевых. В неделю набиралось рубля 3—4. С этими деньгами я ходил играть в карты к соседним ребятам. С этого и началось. Однажды, когда я проиграл все деньги и еще задолжал много, стал я думать, откуда достать денег и решил обокрасть парикмахерскую. Ночью взломал кассу, вынул оттуда двухнедельную выручку, около 400 р. и зарыл их на дворе. Потом пошел к городовому на угол. Ему я заявил, что кто то обокрал парикмахерскую. Было заявлено полиции. Подозрение пало на меня и я был арестован. Меня задержали 11 дней. Я в сознание не пошел и меня выпустили. Хозяин меня обратно не взял, я вырыл деньги и поехал по Александровской дороге и хотел пробраться за границу. Это было в разгаре войны. В Орше меня забрали отправили этапом домой. Мать меня простила, а брат взял жить к себе. Он жил при складе в кладовщиках. Месяца два я жил честно и вошел в доверие. Брат стал пускать меня в склад. Однажды на складе был аукцион серебра и золота. Во время приготовления к аукциону я ляпнул подстаканник золотой и два золотых салфеточных кольца. Вещи продал на Сухаревке за 87 р. Деньги проиграл. Брат узнал, что у меня были деньги. Я ему соврал, сказал, что нашел в саду. Он поверил. Таким манером в течение 6 мес. я систематически крали вещи. Раз когда брат ушел обедать, я стал ломать сундук.

Это увидал заведующий складом, но он только посмортрел на меня сурово и вышел. Я испугался и убежал. Попал на дно, Хитровку. Там я поселился и начал промышлять мелкими кражами. Там я познакомился с теплыми ребятами. С ними я совершил множество краж. В одно прекрасное время мать увидала на Земляном рынке своего блудного сына и уговорила вернуться домой. Дома я прожил месяц. Потянуло снова на волю и я убежал снова воровать. Первый суд дал мне три месяца. Это меня озлобило. Стал воровать пуще. Второй суд дал шесть месяцев. Я не унялся. Третий суд дал год. Отсидел в Бутырках. Воровал по жел. дор.

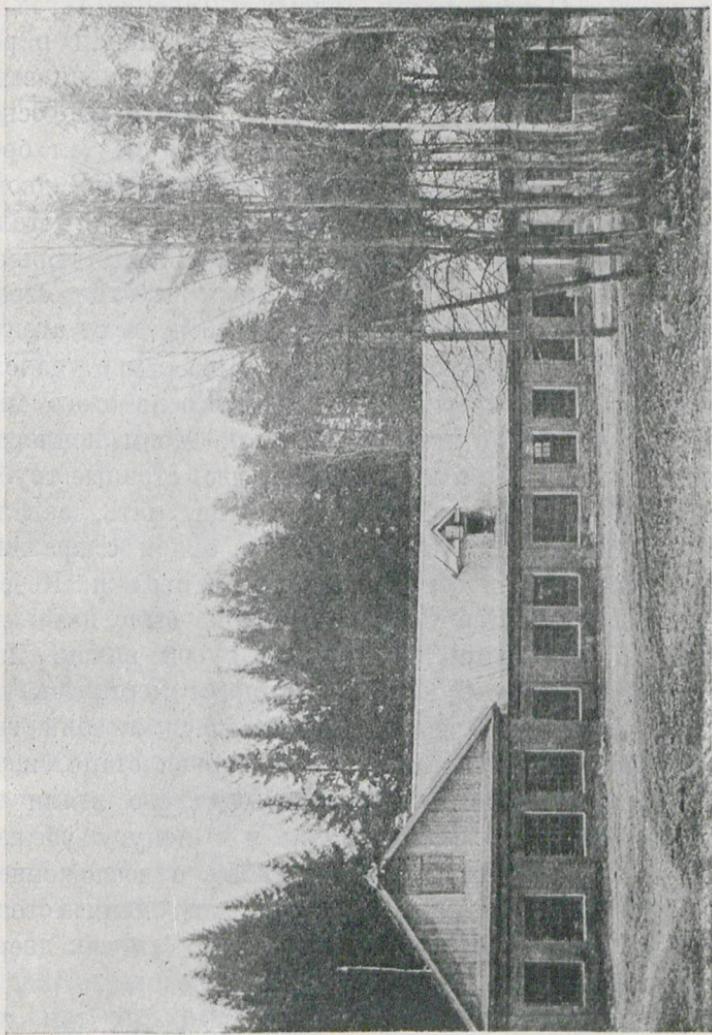
В 1924 г. за старые судимости отправили в Соловки, где отсидел 36 месяцев. Когда вернулся—встретил приятелей по старой жизни. Они мне рассказали про Коммуну. Я поехал в нее и теперь иду по пути честной жизни и труда».

*
**

— В 1915 г., после смерти отца, рабочего винного склада я остался с матерью и тремя сестрами. В доме пошел полный разлад. Мать была не в состоянии присмотреть за всеми, благодаря чему я стал прогуливать, не ходить в школу; стал воровать на Болоте из ящиков торговцев фрукты; затем в булочных печенье и конфеты. В то время мне было 11 лет. Мать не имела средств давать мне денег и меня тянуло побывать в театре, покушать чего-нибудь вкусного. В виду того, что никогда не попадался с воровством, я стал лазать в чердаки и воровать белье. Жили мы недалеко от Хитрого рынка. Там на Хитровке я позна-

комился с «большими» ребятами и стал ходить с ними на «дело». Помню однажды попался с ящиком гвоздей, за что меня отпустили городовые и отдали матери на поруки. Мать не придала этому особого значения и я снова без ее присмотра совершил кражи. Я проявил себя среди ребят удачами в кражах по крупным магазинам и меня ребята взяли к себе в кампанию. Вот одна из краж, один из Гарри-Пилевских трюков: это кража у Брунса на Маросейке (1917 г.). Маросейка—улица людная и ломать с улицы дверь магазина опасно. При магазине склад и контора. Еще во время торговли я прячусь между ящиков, войдя предварительно в магазин. Когда заперли магазин, я развернул сверток со съестными припасами, спокойно позавтракал и стал дожидаться когда мне «клиенты» дадут знать о своем присутствии и спокойствии и безопасности на улице. Товар уже заготовлен. И когда меня известили, приклеив бумажку на витрину, я начал выбрасывать в окно приготовленный мной товар: галоши, сахар, табак и пр. Ни мало ни много, но два воза было украдено. На другой день после кражи во мне поднимало дух геройства, так как все газеты трещали о краже. Собака Треф меня немного напугала и я посыпал нюхательным табаком места где мы провозили товар. Кражи прошла удачно и не одна, а целый ряд. Был я и на гастролях на Курской ж/д, хотели пробраться с товарищем в Харьков, но там за Курском была граница. Это был 1918 год. Совершая кражи по пути следования, я потерял своего товарища, которого убили самосудом в Курске. Убийство товарища возбудило во мне зло и я все больше старался украсть. Деньги в моем кармане не держа-

Корпус сапожной фабрики.

лись: я их проигрывал, пропивал и часть из них уделял девченкам. В 1920 г. попал за кражу квартиры и отсидел в Серпуховском ардоме и Таганке 1 год и 15 дней. По выходе на свободу я уже попал в регистрацию Уголовки как вор-«домушник» и меня взяв на учет стали преследовать агенты МУУРа. По освобождении я жил два месяца у матери и мечтал бросить воровать. Но к моему несчастью у нас на дворе кто то совершил кражу и меня забрали и хотели навязать соучастие в краже. Испытав жизнь тюрьмы где я хлебнул черной водицы, меня охватил страх очутиться снова в тюрьме и я решил бежать от агента сопровождавшего меня в Уголовку. Побег мне удался. Я убежал под выстрелами агента. После этого мне пришлось невольно покинуть семью. Моим ночлегом служилиочные чайные, лужайки, лес, сточные трубы и т. п. Товарищи заменяли мне отца, мать, давали совет и помоць. В 1922 г. попал в ардом с кражей, откуда совершил побег путем связки стражи. Небезинтересен и характер побега. В ардоме было два внутренних поста. Один на верху, другой внизу. Нас собралось к побегу 8 чел., которым досталось по жребию совершить связку. Мне достался жребий вырвать револьвер у стражника на первом этапе, в то время как его начнут вязать. Когда его взяли за горло, то стражник захрипал, а я с испугу убежал в камеру и забился под нары, забыв о возложенном поручении. Когда стража была связана, меня хотели убить, но вняв моим слезам, простили. Так как дверь запиралась снаружи, то нам пришлось ожидать, когда придет поверочный контроль, который мы так же обезоружили и связали. После этого связали и внесли

в камеру наружного часового. Ушло нас 27 чел. Вскоре опять попал с кражей. Получил год тюрьмы и отсидел 4 мес. 12 дней. Был освобожден по разгрузке. После было попал вновь и получил шесть лет, но вскоре убежал из ардома через трубу. Мимолетно бывая на воле имел большие деньги, но проигрывал в карты. Последний раз 25 г. за уголовное прошлое получил изоляцию в концлагерь—Соловки, где пробыл 25 мес. и по разгрузке освобожден. Сейчас мне 23 года и я находясь в Коммуне иногда вспоминаю о своем прошлом и удивляюсь, как я мог стать честным парнем. Сейчас клади кучу золота—ни за что не возьму. Странно, очень странно, как это совершилось. По-моему, если дать возможность любому жулику, испытавшему тюрьму и Соловки, он будет вполне честным человеком.

**

— «Мой отец—кондитер-кулинар. Мне еще было 10 лет, а отец мой был болен ревматизмом и ходил на костылях. Мать страдала катарром желудка. В 12 лет они умерли и я остался под присмотром старшего брата, который был дерзок на руку и часто бил меня по голове щипцами, палкой и веревкой. Был я очень озорной, и попадало мне частенько. Когда началась империалистическая война, брат ушел на военную службу и я остался у замужней сестры-вдовы. Муж у ней умер от чахотки. Воровство мое началось с капусты на огороде, которую я продавал хозяйкам, любящим купить по дешевке. Затем начал поигрывать в карты, познакомился с «деловыми» и за свою смелость попал к «крупным» ребятам в кампанию. В 17 лет я уже имел крупные деньги. Мы брали дела с под-

водчиками и кражи нам всегда удавались благополучно. В 1916 г. попал в первый раз за вооруженный грабеж квартиры трактирщика. Около года сидел в следственном Бутырской тюрьмы. В первые дни революции бежал из тюрьмы, но агенты стали меня преследовать. Агенты в нашем районе были взяточники и мне большую часть выручки с краж приходилось отдавать им. 17-й год я гулял на воле целиком. Множество удачных краж... Множество взяток перешло в руки агентов. В 1918 г. на Госпитальном мосту вместе с тремя товарищами я останавливал прохожих, идущих с бала из кадетских корпусов. Мы отбирали у них деньги, золото, портсигары. Потерпевших скопилось под мостом 6 чел. Среди них три обезоруженных милиционера. Это дело было раскрыто и я был посажен в Таганскую тюрьму. В 1920 г. совершил с товарищем домовую кражу на несколько десятков тысяч рублей. В течение двух месяцев проиграл их все, после чего пил 9 мес. запоем, не вставая с дивана. Если бы не подвернулось новое крупное дело, то наверное допился бы до смерти.

Совершал побеги из ардома, МУР'a, Бутырок и Таганки. Бегал от конвоя, с пропилом решеток, со связкой, с подкопом. Судимостей имею до 15 штук. Любил побаловаться с девченками, не жалел для них крупных денег, но они всегда нажившись от меня выдавали меня Уголовному Розыску. С родными не виделся, а если и виделся, то изредка. Они меня боялись, ибо я всегда ходил с оружием и их уговоры на меня не действовали. В 1922 г. попал за вооруженное ограбление на Мясницкой ул. представителей Франции у которых мы отобрали до 5000 долларов. В то вре-

мя был об'явлен террор бандитизму, и спасаясь от расстрела, решил «симульнуть». Симульнул удачно. С первого дня прибытия в Судебно-Психиатрический И-т, я выкинул номер довольно остроумный. Меня предупредили симулянты, что директор очень хитрый. Я при первом его обходе обозвал дураком. Врач спросил, почему я его так называю. Я ответил, что он клоун, а не может говорить пантомимами. Он просил научить. В это время мы обедали. Я попросил его закрыть глаза, сложить руки на груди крестом и, когда он это сделал, я плеснул ему в лицо горячие щи. Закрыв лицо врач побежал в амбулаторию, а я ему показывая в след нос кричал: «Обманул клоуна. Вот так я». Профессора Краснушкин и Ганнушкин ставили меня на лекции как серьезного больного и я спасая жизнь проделывал как идиот каверзы. Всего в экспертизе и на Канатчиковой в буйном отделении я пробыл 9 мес. и убежал. В 1923 г. решил все бросить и открыл палатку на Немецком рынке, с товарищами не водился и воровать не ходил. Торговал я 11 мес. и в 1924 г. был арестован и за старые судимости был отправлен в Соловки, где отбыл 3 года и по освобождении был выслан—6. Будучи в Соловках познакомился с женщиной, попавшей туда за соучастие в бандитизме. Полюбились мы скоро и дали друг-другу слово по освобождении навсегда связать свою жизнь и бросить прошлое. Проездом через Москву, зашел к родным. Родные меня приняли радушно. Я решил поехать в г. Владимир. Но с волчьим паспортом не мог никуда попасть на работу. У меня было желание трудиться, но не было возможностей и я решил уехать с места высылки в Москву. Вскоре приехала моя любовь, и

здесь началось наше общее страдание. Нас приютила моя сестра-вдова. Но однажды в зимнюю пору она ночью выгнала нас. Мы почевали с ней на вокзале. Утром я встретил товарища по прошлой жизни, который рассказал мне о существующей Коммуне. Я боялся, что меня не возьмут, особенно с женой. Но меня не только приняли, но обещали устроить и жену. Теперь мы вместе с ней в Коммуне. О пребывании в тюрьмах и Соловках я не тужу. Вся эта жизнь явилась вдохновителем до 500 произведений, которые я думаю издать со временем. Пребывание в Коммуне считаю случайным счастьем в моей бушующей жизни. В будущем я могу рассказать о тысячах жертв ржавой решетки.

Приведу в пример одно из моих произведений, посвященных годовщине смерти Ленина:

Там в Москве с зубчатыми стенами
В перепутьях древних площадей
Старый Кремль, обросший сединами
Сумрачно глядит на мавзолей.
И Блаженный с пестрых колоколен
В этот день не рассыпает звон.
Он стальною волей приневолен
Чтит молчанье память похорон.
Купола на согбенных соборах
Словно стражи в шлемах золотых
Неподвижно стоя на дозорах
Смотрят на колонны молодых.
Былью новой, ратью пролетарской
Старый Кремль молодостью вспенен
И застыли Минин и Пожарский
Перед именем железным ЛЕНИН.

И вот когда я пишу подобные стихи (а их у меня немало еще неизданных, то я озираюсь по сторонам

Пионеры за работой по разбивке клумб и цветников.

Коммуны и вижу, что подобных мне в коммуне не мало. Немало их и в тюрьмах; но все наше творчество бесследно гибнет, ибо никто за этим не следит. Гибнет так же как и беспризорные не имеющие возможность быть полезными тружениками в то время, когда они еще на улице».

Первое время ребята относились недоверчиво и выжидательно ко всему, что делалось в коммуне. Руководителям приходилось ежеминутно быть на чеку; каждый их грубый жест, каждое обидное слово повело бы к углублению недоверчивости ребят, но быстро таял лед в отношениях между руководителями и воспитанниками.

Встала насущнейшая необходимость создать актив, чтобы еще быстрее способствовать укреплению и оформлению организации, необходимость создать в коммуне крепкое ядро из наиболее выдержаных ребят. Опыт детских домов для беспризорников показал, что если среди них выделялся вожак, он моментально становится маленьким тираном остальных; заставляет их воровать на него и постепенно по неуловимым для неопытного глаза причинам,—детдом разваливается. Еще больше опасностей было в коммуне, где ребята взрослые. Поэтому в коммуне ОГПУ с первых же дней уже создавалось ядро, вокруг которого вертелась вся жизнь коммуны, обрабатывая ребят и выявляя новые силы актива. Это удалось. Сразу же выделились ребята, которые лучше других поняли задачу и всеми силами помогали делу строительства. Активное ядро коммуны увеличивалось с прибытием каждой новой партии и с развертыванием производственной и культпросветительной работы.

Через месяц вновь поехали за ребятами в тюрьму: там зав. Коммуной предварительно проводил с намеченной группой ребят 2—3 беседы. И когда почва для понимания целей коммуны была найдена, в тюрьму отправляются члены коммуны, выбранные на общем собрании, им давали задачу: привлечь к поступлению в коммуну своих бывших товарищей по ремеслу. Молодые правонарушители сразу же кидают членам коммуны обвинение, самое обидное в преступном мире: они, члены коммуны, превратились в «лягавых»¹⁾. Не мало труда стоит «коммунарам» доказать правильность нового пути жизни. Но простая товарищеская беседа всегда помогает. Многие из'являют желание итти в коммуну. Тогда члены Трудкоммуны, забрав с собой из'явивших желание работать, везут их в коммуну. Там, первым дело, новички занимаются всесторонним обследованием: бросаются к окнам: есть ли решетки, загорожена ли от них свобода? Ищут,—где часовые, надзиратели? Но их окружают только бывшие друзья, рассказывая о своем коммунском житье, показывают мастерские и наконец, собирают общее собрание для оформления принятия новых членов коммуны. Последние начинают сильно волноваться, чувствуя, что действительно их жизнь начинает поворачиваться в ту сторону, куда они меньше всего думали итти. И с дрожью в голосе, запинаясь и сильно волнуясь ново-приехавшие клянутся перед своими товарищами, принимающими их в свою семью, в искреннем желании быть хорошими работниками.

¹⁾ Предатели.

Новоприбывшим ставились категорические условия: если хочешь быть в коммуне—не воруй, не пей, не нюхай, не играй в карты. Эти правила с большим трудом прививались ребятам. Нужно отдать справедливость: новые условия были для них слишком трудны, если вспомнить, что ребята давно привыкли пить водку, нюхать кокаин, играть в азартные игры. Поэтому нередко у некоторых искушение брало верх, и они запивали. Случаев возвращения к нюханью кокaina не было. Картежная игра вначале вспыхивала, соблазня наименее выдержаных, но тут приходил на помощь актив коммуны и уговорами добивался того, что в коммуне вновь не оказывалось игроков и пьяных.

Теперь, когда коммуна существует 4 года подобные явления сведены на нет.

Преступный мир забеспокоился. Коммуна отбирает от него учеников и помощников, будущих продолжателей «дела». Тех, кто у них служил в качестве опытных «наводчиков», «взломщиков» зачастую—«деловых» вовлекают в коммуну. Воры с этим помириться не могут, а особенно скupщики краденого. И вот они задумали организовать свое «становище» в Большеве, подбирая для этого подходящих людей. Долго искать не пришлось, появился на сцену Васька «Барыга» и его жена Маруська «Марафетчица». Васька хорошо знал дело скupки краденого, а Маруська умела не плохо выуживать деньги в обмен на водку и «марофет» (кокаин) или просто устраивала выгодный товарообмен. Постарались хозяева и на счет места. Обстанили квартирку, приглашали знакомых девиц, появилась гитара. Обстановочка достаточно заманчивая для

Пионерки работают в саду — переносят рассаду.

тех кто годами привык—хотя изредка, в моменты, когда «подвезет»—покутить. Таким образом около коммуны возникает воровской притон. Менее выдержаные из ребят потянулись туда, там их спаивали, разлагали. Но коммуна была уже настолько сильна, ее «дух» был настолько враждебен «духу» воровского притона, что она быстро реагировала на это. Актив пронохал о месте пребывания притона. Несколько дней ходили вокруг да около, а раз вечером позвонили в ОГПУ, попросили приехать сотрудника и шесть ребят, вместе с официальным представителем, в час ночи появились в притоне. Улик было достаточно для того, чтобы покарать тех, кто посягал на жизнь коммуны. Притон разогнали, а коммуна была горда своей первой победой над искушением членов коммуны. Много было разговоров на общем собрании. Взялись ребята за менее устойчивых. Случай с притоном обязал наиболее сознательных быть на стороже—оберегать основные принципы коммуны.

Кроме попыток взрослого преступного мира, присачивалось в коммуну влияние молодых правонарушителей. При каждой встрече с ребятами они не двусмысленно давали понять, что их отношение к измене ребят прежним условиям жизни такое же каково к «лягавым». Наиболее решительные из них пугали: «Не всегда же ты будешь в коммуне, когда нибудь уйдешь, тогда уж не попадайся в тюрьму, сам знаешь как поступают с «лягавыми!».

Это, конечно, запугивало, некоторых членов коммуны. Трудно было освободить ребят от мысли, что когда-нибудь воровской элемент сможет свести с ними счеты. Именно эта боязнь заставила на первое время

ребят скрывать не товарищеские поступки многих воспитанников каммуны, не отказавшихся от старых привычек. Активу приходилось настаивать, чтобы ребята отказались от воровской «этики» и разоблачали своих товарищей. В первое время в коммуне для этого было много оснований. Трудкоммуна сразу же встала перед фактом кражи разных кухонных принадлежностей: мясорубок, ножей, вилок и ложек. Тотчас же было собрано общее собрание коммуны и руководитель спокойно, но твердо заявил:

«Все предметы нашего обихода даны нам в кредит, во временное пользование, инвентарь больше пополняться не будет, а за данный мы должны будем заплатить. Пропажа вещей будет оплачиваться из нашего заработка». Это заявление, как обухом ударило ребят. Воровать они привыкли и в этом были искусными мастерами, но платить свои заработные деньги за краденное ими же это им—ново и весьма неприятно. Деньги легко добывшие воровством для них были не дороги, но здесь каждая заработанная копейка—пропитана их потом, с нею не хотелось расставаться. Произошла «революция в понятиях»: на общем собрании они заявили, что не допустят, чтобы все платили за одного. На другой день много вещей было подброшено. За недостающие заплатили ребята сообща и после этого уже навсегда порвали с воровской этикой. Воров заставили сознаться и чуть было не расправились с ними самосудом. После этих событий воровство в трудкоммуне было совершенно прекращено. В декабре м-це ребятам были выданы на руки все ключи от складов, наполненных вещами необходимыми для жизни в коммуне, из числа членов коммуны была

выделена охрана всего имущества. И вот уже в течение 3 лет ни разу не было случая, чтобы имущество пострадало от таких ключников и охранителей.

В первые же дни коммуны наблюдался еще один отрицательный момент в работе ее: уход нескольких ребят из коммуны. Все причины уходов членов коммуны можно разбить на две категории. Первая категория: уходят из коммуны так сказать «с благой целью». Парень попавший в оздоровляющую атмосферу вспоминает семью, и надеется, что его теперь, пожалуй, с радостью встретят дома. Его надежда оправдалась и он действительно устроился в семье. Другой член коммуны хотел бежать заграницу, где у него жили родители и с наступлением лета—исчез. Но заграницу уехать оказалось невозможным и парень, каким то чудом все лето прожил на курортах Крыма. Осенью он явился с покаянной. Однако таких из уходивших было немного; несколько больше ребят второй категории ушедших из коммуны, например в отпуск. Там его встретили прежние друзья, начинается под влиянием последних пьянка, кардешная игра, кокайн. Парень затягивается в эту жизнь, все проматывает и когда приходит пора возвращаться в коммуну снова, он—«в чем мать родила». Так явиться в коммуну стыдно пред товарищами. Один из таких случайно встретив члена коммуны пробовал с ним посоветоваться: «А что если я «подработаю кражей», оденусь—меня примут в коммуну?» Но коммуна уже настолько окрепла морально, что выход такого рода не признает. Большинство из ушедших теми или иными способами стараются возвратиться в коммуну. Они вновь проходят через общее собрание членов коммуны, которое к ним всегда

относится весьма строго, налагают ряд взысканий, дают условные сроки для исправления и т. д. Интересно отметить, никто из уходивших не прожил в коммуне больше месяца, так что с полным основанием можно сказать, уходили только те, кто, по существу, еще не слишком тесно сжился с трудовой атмосферой.

Вот те тучки, которые появлялись в первые дни существования трудкоммуны.

Все же руководители коммуны и ОГПУ с большой тревогой ждали первого лета. «Пригреет им «пузо» солнце, ребята и «дунут» из коммуны—так формулировал эту опаску один из руководителей. Но солнце стояло высоко и пригрело ни одно «пузо» членам коммуны. Весна и лето прошли. Ни один из членов коммуны не ушел. Наоборот из тюрьмы была привезена новая партия ребят. И осенью, в сентябре, когда коммуна праздновала первую свою годовщину, она уже настолько укрепилась, что можно было не бояться за ее дальнейшее существование.

ТРУД, КАК ОСНОВА КОММУНЫ

Мы уже указали, что главной основой коммуны ОГПУ является воспитание в процессе производства. Наивно рассчитывать на то, что воров-рецидивистов могут изменить к лучшему обычные приемы воспитания. Вся прошлая жизнь, весь опыт приучил их относиться с величайшим презрением ко всему, что носит наименование школы. Единственное, что действительно может привлечь их к работе и через работу, к общему образованию—это только производство. Поэтому организаторы Трудкоммуны с самого основания ее не ставили и до сего дня не ставят перед собою широких планов по общему образованию ребят. В этом отношении организаторы держатся такой политики: удовлетворять стремление ребят к общему образованию и культуре—необходимо, но вызывать это стремление нужно постепенно, осторожно не пичкая их образовательной программой помимо их желания насильно. Дело ставится так, чтобы сознание необходимости учебы, культуры естественно возникало из процесса производственной работы. Этот прием действительно и глубоко перестраивает анархизированную психику ребят. Они большей частью шли в коммуну, потому что

Первые шаги производства. Сапожная мастерская.

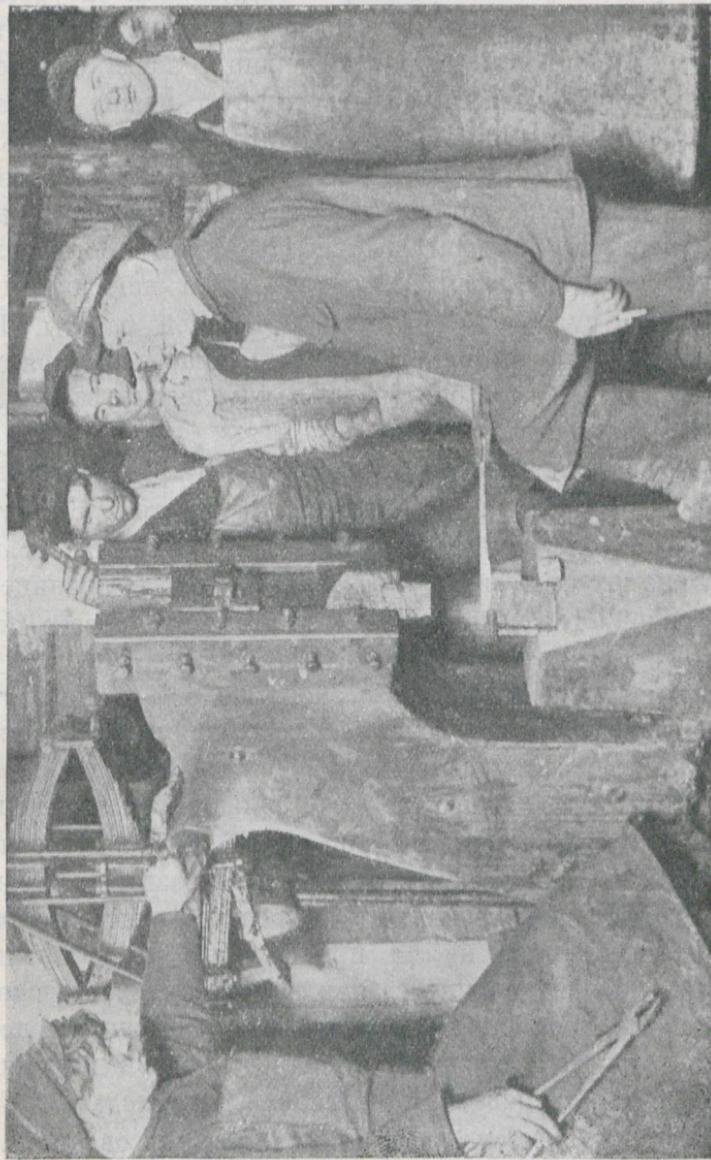
знали: в ней есть работа и в ней можно выучиться определенному ремеслу, т.-е. получить квалификацию. Когда им в тюрьме рассказывали о жизни трудкоммуны пред ними заманчиво вставали мастерские, где они, тюремные жители, будут свободными рабочими. У всех молодых преступников хорошо развиты глазомер, ловкость рук и общая выносливость, они энергичны и все это, вместе взятое, с успехом—как мы увидим,—применяется ими в сознательном труде.

Перед организаторами коммуны возник чрезвычайно интересный вопрос: каким образом организовать труд: через первоначальное обучение основным приемам того или другого ремесла без выделки полезных вещей или же через организацию такой работы, которая сразу давала бы полезные вещи для коммуны и на продажу? В наших воспитательных учреждениях с производственным уклоном (детдома, фабзавучи, профшколы) часто применяется первое, т.-е. ребятам дают выделять не вещь, а какой-нибудь ненужный предмет, на выделке которого они приучаются к тому или другому производственному приему.

Такая форма обучения производственным приемам едва ли имела бы успех у воспитанников трудкоммуны, которые потребовали непосредственной своей заинтересованности в производстве. Иной прием показался бы им работой ради работы, трудом безцельным, а они люди практические и ясно, что такой труд не увлек бы их.

Учтя все это ОГПУ решило избрать в производстве второй путь: давать ребятам, под руководством инструкторов работу по выделке полезных вещей. Ребята не просто пилили доски, рубили железо, строчили

Кузница Приводной молот.

кожу ради обучения работе, а выделяли табуретки, крючья, шили сапоги и т. д. Зато, как искрятся глаза, какой гордостью пылают лица, когда окончена работа над полезной вещью, которую можно назвать сапогом или стулом! Сделано плохо? Ничего! Дальше будет лучше. И действительно через некоторое время у того же парня табурет начинай быть действительно предметом, на котором сам сделавший его с удовольствием сидит без риска свалиться, а новоявленный сапожник гуляет в сапогах собственной работы. Непосредственные результаты работы нравятся ребятам. Увлекает и то, что они могут сами следить за ростом своего мастерства.

Профессия выбирается не сразу. Парень приходит в коммуну, еще не знает «кем ему быть»? Коммуна предлагает ему работать в 4-х мастерских на выбор: слесарно-механической, деревообделочной, в кузнице и в обувной. Некоторые тотчас же выбирают себе специальность, другие много думают и переходят из одной мастерской в другую, пока не останавливаются на чем-нибудь определенном. Им обяснялось, чем скорее они выберут профессию и обучатся ей, тем скорее смогут уйти на завод. Это заставляет их быстро избрать что-нибудь определенное и не бегать из одной мастерской в другую. Ознакомление с разными видами производства действовало на них благотворно, ибо они выбирали ремесло не по приказу, не по наущению свыше», а уже испытав себя в нескольких мастерских. Выбрав себе специальность парень знал, что теперь только от него зависит результат его производственной работы. «Взявшись за гуж, не бай, что недюж». Сам выбрал себе ремесло, сам и старайся им овладеть.

В Трудкоммуне существует небольшой совхоз, в который пошли работать трое ребят. Но вскоре они с работы ушли; выяснилось, что у них нет совершенно никакой охоты заниматься сельско-хозяйственными работами. Выросшие почти поголовно в больших городах и в рабочих семьях, часто совсем не видя деревенской жизни, они ее не понимают и не хотят сживаться с ней. Даже наиболее отсталые и малоспособные ребята, не соглашались работать в Совхозе, а перебегали из него сначала в конюшню, а потом в мастерские; даже малыши не желали оставаться вне мастерских. Чем это об'ясняется? Отчасти тем, что ребята городские, но главное тем, что им хочется иметь какую-нибудь определенную квалификацию, знать «мастерство». Можно думать, что тяготение к «мастерству» уже привито ребятам их прошлым, ведь воровство тоже «мастерство», хотя и преступное.

Жизнь преступника слишком опасна и неопределенна, поэтому когда он становится на трудовой путь, он хочет твердой устойчивости, какую вполне может дать ему завод. Конечно, ребята, недавно оторванные от земли и деревни, вероятно будут со временем мириться и с работой совхоза, но пока таких очень мало и это главным образом новички, или как их называют «фраеры» ¹⁾.

Вопрос организации мастерских в деле воспитания играет первостепенную роль. Совершенно понятно, что чем лучше механизированы мастерские, тем больше это создает удовлетворенности у подростков: они работают «почти в заводе», а это укрепляет их всего лучше.

¹⁾ Ничего непонимающий в воровском деле—простак.

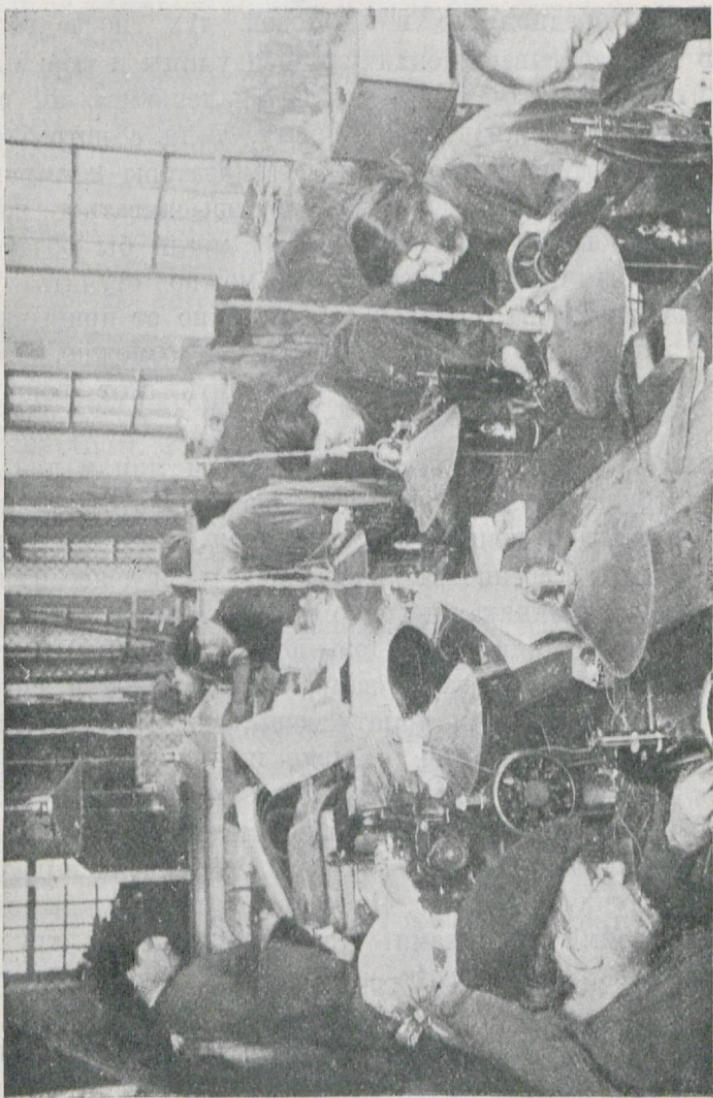
Но сразу создать такие условия работы не было, ни возможности, ни средств. Поэтому коммуна начала работать в небольших конурах с инструментами для кустарно-ручной работы. Так были организованы мастерские обувная и деревообделочная. Затем открыли кузницу и слесарно-механический цех.

Когда пришли ребята им было заявлено, что дальнейшее расширение—мастерских будет зависеть от их сил, от их желания. Они это немедленно и твердо усвоили и стали развертывать свою работу до предела. Прибывали новые партии из тюрем, в мастерских стало так тесно, что явился вопрос о необходимости расширения мастерских. В строительный сезон 26 г. были приспособлены под работу амбар, конюшня и т. д., организовались столярная и обувная ф-ки. Это уже не тесные конурки для 10 работников, а настоящие широко резвернутые цехи. Большие фабричные окна и хорошо работающая вентиляция делает мастерскую вполне пригодной с гигиенической точки зрения. Проведено электричество.

Все развитие Трудкоммуны можно выразить так: от одного небольшого и полусломанного деревянного верстака к вполне оборудованным, механизированным станкам и машинам, отремонтированным трудами самой коммуны. Раньше все помещались в 3—4 конурках, теперь один только обувной цех занимает громадный корпус, выпуская в день 400 пар спортивной обуви. Слесарный цех выпускает одних коньков 12.000 пар и, наконец, основав новое трикотажное производство.

Расширение мастерских дало возможность увеличить число членов коммуны, а последним улучшить свое материальное положение. Таким образом шаг за

Механическая заготовочная
цех

шагом очень тяжело, но твердо и уверенно, производство коммуны превращается в настоящее фабрично- заводское предприятие и трудовой дух последнего легко перерабатывает психику людей улицы и тюрьмы. Воспитанники коммуны ребята не «маленькие», ни по возрасту, ни по жизненному опыту, люди с потребностями сравнительно широкими. Организаторы коммуны сознавали, что ребята должны будут изыскивать те или иные способы, посредством которых могли бы обзавестись карманными деньгами; их можно отучить от кокаина, воровства, наконец от водки, но от привычки иметь деньги на мелкие расходы — невозможно. Поэтому самый лучший способ разрешить этот вопрос тоже в трудовой обстановке. С первых же дней организации коммуны была введена, хотя и минимальная оплата труда. Ребята были очень довольны этим. Деньгами, в каждой копейке которых был запечатлен их труд, они не особенно раскидывались, да и денег было небольше полтинника, но одно чувство, что в кармане деньги, заработанные трудом — дорого стоит! Первое время зарплату выдавали «натурой» — махоркой и табаком. Но вскоре ввели оплату деньгами. Кто сколько выработал в мастерских, столько и получал. Так, в сапожной мастерской было 5 разрядов от 75 к. до 3 руб. Для более ретивых выписывали премии. Все это быстро заставляло ребят подтянуться. Они видели выгоду работать лучше и больше. Инструктора не могут нахваливаться своими учениками. Производительность труда поднималась. За три года — почти ни одного злостного прогула.

В мае м-ца 1926 г. сами ребята решили перейти на сдельщину, отчего заработки их увеличились. В на-

стоящее время заработка членов коммуны в среднем достигает 50 руб. Многие вырабатывают и больше. Из этого они уплачивают стоимость содержания, питания в среднем 32 руб. в месяц (колебания в зависимости от стоимости питания). Взрослые работают 8 часов, несовершеннолетние—6 часов. Такая оплата вполне удовлетворяет молодых рабочих. Они постепенно начинают прикупать себе вещи и улучшать питание. Так как коммуна не в городе, то особенно сильно «бросать на ветер» свои заработанные гроши ребята лишены возможности. Но если бы даже эти возможности им представились, едва ли они станут это делать теперь. Это находит себе подтверждение при поездках в отпуска в Москву. Каждый из них должен столько еще дыр заткнуть, что до транжирства не так-то легко дойдет. Реализуют свою зарплату ребята почти на 100% в своем кооперативе, но разумеется, совершенно добровольно.

Взяв за основу обучение ребят не на безделушках, а на общеполезных вещах, организаторы коммуны поставили себе задачей сделать все производство с самого начала до конца близким для ребят. Нужно было создать атмосферу при которой ребята себя чувствовали бы «хозяевами» своих мастерских. Для этого их привлекли к обсуждению всех вопросов производства и приема заказов. Когда принимается какой-либо заказ— собирают общее собрание заинтересованного цеха и предлагаю обсудить вопрос: принять или отклонить заказ? В связи с этим вопросом поднимаются и другие, например, достаток инструментов, сырья и пр. Обследовав всесторонне вопрос о заказе и принял его ребята этим самым берут на себя ответственность выполнить его

добросовестно. У всех одно настроение: сами приняли, сами и отвечаем. Инструктора стараются использовать эти моменты для того, чтобы естественным порядком улучшалось качество продукции. Так на простых и конкретных случаях приучают ребят к ответственности за качество работы.

Подбор заказов организован таким порядком, чтобы он был и интересен ребятам и выгоден с производственной стороны. Члены коммуны не особенно охотно выполняют заказы, расчитанные на длительный период. Им хочется делать такие предметы, которые бы знакомили их с выбранными ими производствами. Так в обувном цехе, когда обсуждался заказ ночных туфель, то ребята заявили: «Заказ большой. Его поди несколько месяцев выполнять придется. Нам бы его выполнять совместно с серьезной обувью—сапогами, ботинками».

Пришлось остановиться на комбинированном заказе: и туфли, и сапоги и ботинки—всего понемногу. Зато такая работа более интересна и скорее знакомит ребят со всеми сторонами производства, в данном случае с обувным. Конечно, кроме заинтересованности ребят, вопрос о заказе должен быть еще согласован со стороны материальной и технической. Поэтому хоть члены коммуны и горячо отстаивают свое мнение, выбирая заказ, но в то же время чрезвычайно внимательно прислушиваются к своим руководителям. Последние стремятся ввести членов коммуны во все «секреты» хорошо налаженного производства, его коммерческой и технической части.

Общие собрания членов коммуны цеха происходят не только по поводу приема заказа, но для обсуждения всех вопросов, касающихся цеха. Когда были намечены

Кузница.

«разряды», то распределение ребят по ним производилось самими членами Трудкоммуны. Это сразу же отклоняло всякие толки о том, что тот или иной инструктор выделяет того или другого парня по симптиям личным. Все сообща оценивали работу товарища, едко его критиковали, и всегда приходили к единодушному мнению, что его нужно отнести к такому то разряду. Однако постепенно эта работа превратилась в слишком громоздкую для общего собрания, разрядов стало много, число ребят увеличивалось с каждым месяцем. Тогда выбрали цеховые комиссии, в каждой мастерской и поручили им провести всю эту работу. Комиссии не были освобождены от общей работы, все же они с большой охотой принялись выполнять возложенную на них задачу. Жизненность этих цеховых комиссий была ими блестяще доказана и к ним постепенно просоединились и другие обязанности; наблюдать за работающими ребятами, разбирать мелкие конфликты и недоразумения в цехе, сохранять материалы, принимать работу, выдавать инструменты и т. д. Работа, как это видно, сложная и большая. Нужно принять во внимание, что члены комиссий работают на производстве наравне со всеми. И все-таки они настолько активно принялись за возложенную на них обязанность, так добросовестно ее проводили, что почти никаких недоразумений у ребят с выбранными в цехкомиссии товарищами не было. Последние заслужили у всех полный авторитет. Тот, кто наблюдал заседания этих комиссий, сразу же угадывал в них будущих опытных работников своего производства. С глубоким чувством ответственности, с острым вниманием, с громадным возбуждением комиссии обсуждают все вопросы своего цеха. Ни малейшего намека

на личный счет в отношениях, когда дело доходит до обсуждения поведения какого-либо парня. Одна мысль волнует всех, когда обсуждают планы развития цеха или принятия заказов и т. д., как бы лучше поставить свое производство. Правда, иногда обсуждение бывает более бурное, чем нужно бы, но страсти утихают, будущие администраторы и руководители фабрик и заводов всегда приходят к единодушному разрешению поставленного перед ними вопроса. А после этого на общих собраниях цеха, комиссия защищает перед всеми ребятами свои решения.

Мы уже отметили, как ребята реагируют на вопросы своего производства. Еще до организации цехкомиссий можно было часто видеть группу ребят в перерыв уединившихся куда-нибудь в угол мастерской и с карандашем и бумагой в руках, обсуждающих, высчитывающих разного рода «простои» и другие вопросы производственной жизни. Иногда кажется, что на всех наших советских заводах рабочие не так горячо заинтересованы успехами своего предприятия и что сознание государственного смысла производства бывшим «правонарушителям» более ясно. Нередко они обращаются сами к инструктору с просьбой обсудить их предложение по тому или иному поводу и всегда чувствуется, как они любят свое дело, как за него боятся.

Забота об усилении производительности труда и понимание его общегосударственного смысла все время явно растет. Ленивым пощады нет. Члены коммуны стремятся добиться того, чтобы цехи коммуны ни своей внешностью, ни оборудованностью и ни производительностью не отличались от заправских фабрик и заводов. Главным препятствием этому служит то обсто-

ятельство, что те, кто об этом мечтает, являются еще совершенно новичками в производстве. Правда, они с изумительной энергией стремятся как можно скорее проникнуть в тайны своего ремесла и почувствовать себя настоящими рабочими «мастерами» дела. Когда обходишь мастерские, ребята с радостью показывают сотни больничных столиков, сложенных в малярной и другие готовые предметы. Чувствуется в каждом слове у членов коммуны, что они действительно гордятся своей работой. Недаром т. Семашко пишет.

«И мало того, что они работают, они гордятся результатами своей работы. Надо было видеть, как блестели глаза у кузнеца, когда он показывал, как, своей сметкой и при помощи примитивных приспособлений, он устроил в кузнице электрическое поддувало и новые горны. Надо было видеть гордость другого работника, когда он развернул свой чемодан и показал «заработанные своим трудом» тщательно сложенную новую пиджачную пару и трусики. Надо было видеть волнение Комиссий, когда они показывали развертывающиеся мастерские Коммуны».

Это правда. Лучшие радости ребят—в их труде. Недаром они ему всегда отдают много строчек в своих письмах к руководителям ОГПУ. В них они извещают о всех изменениях, которые приняты в мастерских, о том, как работают новички и т. д. В своих анкетах они ярко говорят какую роль в их жизни теперь играет труд.

Вот как они заканчивают анкеты, отвечая на последний вопрос: «Что тебя удерживает в Трудкоммуне?»

Тов. С. (судившийся 5 раз и имевший 7 «приводов»—воровал 6 лет): «Обучение своему столярному ремеслу, а потом можно подумать о том, чтобы поступить на фабрику».

Тов. П. (судился 8 раз, приводов 9—воровал 7 лет): «Могу получить определенную квалификацию. Получить культуру, политическую подготовку».

Тов. К. (судимостей 8, приводов 4, воровал 10 лет): «Желание получить квалификацию, а когда обучусь уйду жить к родным».

Можно привести еще много таких ответов и все они говорят, что самое могучее, что удерживает воспитанников, это—труд. Кроме сознания, что они работают и являются полезными людьми, ребятами руководит уверенность достичь хорошей фабрично-заводской квалификации. Последняя является для них мечтой их будущей жизни. Они знают, что имея квалификацию с ней не пойдешь опять на улицу, понимают, что квалификация открывает им двери фабрики или завода.

ЗА УЧЕБУ И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

В первые дни Коммуны совершенно не было речи об обучении и общественно-культурной работе ребят. Парню объяснялось, что его главная задача работать в мастерской. Все же на всякий случай он интересовался: «А меня там коммунистом не будут делать». Ему мешалась та постановка воспитательной работы, при которой воспитательные учреждения базируют всю свою работу на книге, газете, кружке, часто против воли воспитуемого, не способного оценить великое значение «учебы».

Коммуна ОГПУ попробовала выбрать не этот путь, а более сложный: после соответствующей трудовой обработки правонарушителя—общественная работа и воспитание, но только когда сами ребята почувствуют необходимость учебы и попросят об этом. Расчет оказался верным,—это сразу же произвело хорошее впечатление. Придя в коммуну ребята не увидели в ней ни книги, ни газеты. Никто не навязывал им этого. Никто в свободное время не надоедал им докладами и беседами. Проще говоря, не делалось попыток насильно ввести в их жизнь то, чего они еще не в состоянии были воспринимать и к чему некоторые из них питали инстинктивную вражду,

Теперь после продолжительного существования Трудкоммуны, когда налицо уже есть большая культурно-просветительная работа, можно лишь радоваться, что был выбран именно этот путь.

Разумеется необходимо было привлекать членов коммуны к общественной работе, поднимать их общеобразовательный уровень. Воспитатели подошли к разрешению этого вопроса таким образом: когда у ребят появлялось соответствующее настроение, к ним являлся воспитатель, проводил короткую, но оживленную беседу на одну из близких членам коммуны тем, вызванных вопросами производства. Такие беседы организовывались не часто и всегда по желанию ребят. Последние могли воочию убедиться, что их не хотят насиловать и что речь идет об удовлетворении культурных запросов, назревших у них. Руководитель беседы должен был помнить, что те, с кем ему приходится беседовать, анархисты по инстинкту, ярые противники власти, партии и комсомола. Следы дезорганизованной, преступной и антиобщественной улицы слишком ярко выражены в их мышлении и нужна глубокая, осторожная и умелая работа, чтобы выработать людей с психологией, подобающей члену Трудкоммуны. Поэтому весьма осторожно и искусно руководитель беседы прививал ребятам иное отношение к учению, обществу и происходящим кругом них событиям. Все это строилось на живо-трепещущих моментах жизни коммуны, на вопросах труда.

Прошли месяцы осторожной работы, прежде чем воспитанники коммуны действительно искренно заинтересовались своим самообразованием, систематическим обучением, борьбой рабочего класса, строительством

советского государства, партией и комсомолом. Тяжело, а порой искаженно укладывалось у них в голове иное отношение ко всем этим вопросам. Но те, которые почувствовали значение этих вопросов и осознали свое положение в жизни, те с большим подъемом и даже восторженностью кинулись на работу самообразования. Первое, что их привлекло—это советские праздники, возможность почувствовать себя сначала хотя бы только физически людьми равнозначными рабочей массе.

В 1925 г. празднуется Первое Мая. Члены коммуны уже не хотят оставаться в стороне и решают организовать торжества в коммуне. Тов. Ч . . . (член коммуны) выражает желание сделать доклад на торжествах. Он понимает, что это трудно «Ни разу не выступал, а вдруг провалюсь, вот стыд то будет коммуне!». Здесь следует отметить, что человек говорит не о своем личном «стыде», а о стыде «коммуны»—верный признак, что человеку уже доступно стало чувство коллективизма, сознание своей связи с товарищами, боязнь сконфузить их своим неумением выразить их настроение. До торжества 8 дней,—бывшему вору трудно в 8 дней подготовиться к своему дебюту по такому серьезному вопросу, как Первое Мая. Однако, Ч . . . не отступает: мало 8-и дней, так можно прибавить к ним несколько ночей. Он человек с волей и доклад приготовлен. Когда все сошлись в большую комнату, перед всеми членами коммуны стоял один и тот же вопрос, как будет делать доклад наш Ч.? Когда вышел «свой парень» Ч. овации были бури и продолжительны. А когда Ч. кратко, но просто и всем понятно кончил свой доклад, аплодисменты были еще шумливей и сердце членов коммуны почувствовало гордость за товарища. Все помнили, что в ка-

Группа ребят на уроке арифметики.

ждом живет Ч., сумевший не пасть лицом в грязь перед московскими гостями.

Теперь уже многие знакомы с искусством оратора. Многие научились выступать и критиковать себя и других и каждый торжественный праздник рабочего класса они спрашивают умело и торжественно.

Ясно, что когда лед их к общим интересам жизни растаял, они и в будни интересуются политикой, партией и комсомолом, хотят получать газеты, журналы. Чаше собираются на беседы.

Выявляется группа в 19 человек совершенно без грамотных. Они начинают стыдиться своей умственной слепоты и настаивают на регулярных занятиях по ликвидации безграмотности. Администрации коммуны только того и надо. К ним присоединяется руководитель кружка и первый кружок «ликбеза» начинает работать. Грамота ребятам дается трудно. Правда, они стоят очень высоко по находчивости, остроумию, изобретательности, т.-е. по тем качествам, которые у них вырабатывались до коммуны. Но систематическая, кропотливая, сопряженная с большим вниманием работа над книжкой им давалась тяжело. И снова упорство берет верх, грамота преодолена. В настоящее время в Трудкоммуне ОГПУ нет ни одного безграмотного члена.

Кроме ликбеза перед коммуной встал во весь рост вопрос о производственном обучении ребят. Когда они пришли в мастерскую, им был предложен ряд заданий по выработке некоторых предметов, но ребята совершенно не имели никакого представления о выбранном ремесле, они не умели отличать один металл от другого, не знали сортов дерева и т. п. Когда мастерские развернули свою работу, ребята были поставлены перед фак-

том их производственной безграмотности и тут то они выдвинули требования необходимости преподавать теорию выбранного ими ремесла. Сначал было введено сверх обычного рабочего дня в производстве 2 часа в неделю для теории в наиболее сложной слесарной мастерской. Затем это распространяли и на все остальные цеха коммуны. При этих занятиях изредка, так сказать, незаметно для самих ребят, они получают некоторые основные знания по таким предметам, без которых не станешь квалифицированным рабочим: физики, математики, технологии. Конечно, до сих пор это преподавание не стало еще таким, каким было бы и желательно, и необходимо видеть его. Ребята еще боятся, чтобы их не «переучили». Некоторые еще думают, что квалификацию можно получить только через одну мастерскую. Но все же многие уже понимают, что без теоретических знаний хорошим мастером не будешь. Некоторые по собственному почину любят самостоятельно изучать специальные науки, выписывают научно-техническую литературу, журналы науки и техники, даже журнал по архитектуре. Выписывает каждый за свой счет, но пользуются книгами значительная масса членов коммуны, что тоже характерно.

Из среды ребят выделяется группа желающих получить полное образование, этих ребят уже не удовлетворяют те знания, которые получены ими, они рвутся в рабфаки или спецкурсы. В 1924/25 г. ушло учиться двое, а в 1925/26 г. 10 человек. Но все они остаются жить в Трудкоммуне, подчиняясь ее порядкам на общих основаниях: днем работают, как и все, 8 часов в мастерской, а вечером едут в Москву учиться. Несмотря на столь трудные условия, они учатся успешно и с гор-

достью показывают свои студенческие билеты рабфаковцев.

Те, которые не смогли поступить на Рабфак, особенно их привлекающий, поступают на общеобразовательные вечерние курсы; есть не мало и таких, которые тоже готовятся в будущем году поступить на рабфаки, а, вместе с этим, еще более серьезно заняться своим ремеслом. И почти у всех заметно сознание, что учиться—необходимо и, так или иначе, нужно этого добиваться.

Клубная работа коммуны стоит не на последнем месте. Правда, много труда стоило повлиять на ребят прежде чем они пришли к мысли, что им необходим клуб. Их везли в Москву, показывали работу различных клубов и результатом этого показа у них явилось настойчивое желание организовать у себя собственный клуб. Они выделили маленькую комнатку,— помещение коммуны слишком тесно, чтобы предоставить большее. Ребята эту конурку превратили в клуб, библиотеку и в читальную, декорировали ее плакатами, лозунгами, началась клубная работа. Сначала собирались, чтобы проводить беседы, потом организовали кружки. Член коммуны Н. является большим любителем радио. Склонив свою косматую голову над книжкой, он беспечно шепчет трудные радио-слова. Таким его видели часто и ребята, начинают к нему приставать, чтобы он им открыл тайну своего увлечения. Н., сначала отнекивается: «Не стоймете!» но потом—соглашается и кружок готов. Также возникают драматический, хоровой и музыкальный. В этих кружках достаточно комиков, трагиков, простаков,теноров, басов, но нет-нет девчат. Бросают клич в деревню. С деревенскими проводится соответствующая работа. Старики

Нельсон, его сотрудник Шпект и иностранцы, посетившие коммуну.

немного сопротивляются, молодежь берет верх и в кружки вливается деревенская молодежь обоего пола.

Музыкальный кружок в настоящее время организовал великорусский оркестр, он состоит из 14 инструментов и так хорошо играет, что иностранные гости, посетившие коммуну, приходили в неистовый восторг, а на межсоюзном конкурсе любительских оркестров Москвы он занял второе место.

В клубе часто бывают товарищеские вечера самодеятельности. Среди ребят есть поэты, декламаторы, музыканты, рассказчики-юмористы, они своими выступлениями развлекают не только ребят Трудкоммуны, но и гостей, крестьян близь лежащих деревень.

В течение этих лет клуб привылся настолько, что коммуна не мыслит свое существование без него. Летом 1926 г. здание, где был клуб, стало капитально ремонтироваться и в клубе занятия прекратились, тогда члены коммуны выбрали место на дворе и работая каждый день после производства по два часа, построили для себя летний клуб.

Библиотека и читальня первое время действовали слабо. Нами уже указано, что руководители коммуны не стараются насильно приучать ребят к чтению. Первое время книги брались из передвижной библиотеки. Ребята в этот момент интересовались литературой «приключений». По мере развития сознательности члены коммуны организовали свою библиотеку. Сначала это было собрание нескольких десятком книг, к 1928 г. библиотека имеет до 1.000 томов. Наибольшим успехом пользуется у ребят биллетристика революционного содержания и комсомольская, но и приключенческая литература конечно, не на последнем месте, что вполне естественно,

если не забывать психику читателей, еще не забывших свое прошлое. Читальня ежедневно посещают не менее 100 человек. Эти цифры указывают, что библиотека и читальня вошли в быт членов коммуны, и что последние сравнительно быстро идут в гору.

Сюда же относится еще одно интересное явление выписка газет. В первое время, конечно, даже нельзя было завести и речь о газетах. Ребята тяжело зарабатывают себе средства существования и вдруг извольте бросать деньги на такую, раньше совершенно неинтересную для них вещь, как газета! Лишь после нескольких бесед, заинтересовавших ребят, они начали спорить между собой по вопросам возникающим в печати, в том числе и по вопросам политики. Руководители коммуны, заметив поднимающийся интерес к текущей жизни, выписали несколько комсомольских и партийных газет в читальню. Когда ребята увидели, что вопросы, интересующие их, подробно освещаются в газетах и журналах, они стали выписывать газеты за свой счет и уже на второй год выписали: «Рабочую Москву», «Комсомольскую Правду», «Молодой Ленинец», «Молодой Большевик» и «Правду».

Всего подписавшихся летом 1926 г. было 70%, а зимой эта цифра достигла 80—85%. Чтобы в полной мере оценить этот факт, необходимо помнить, что ребята работают очень много, а зарабатывают ко 2-му году они много меньше, нежели рабочая молодежь на заводе. И тем не менее они выписывают газет не меньше любого нормального заводского предприятия.

Силами ребят издается стенная газета «На новом пути», в ней не мало внимания уделено общеполитическим вопросам. Во время торжественных дней (1 Мая,

День Парижской Коммуны, 9-го января 1905 г. и т. д.) издаются специальные номера. Много места отведено строительству самой Коммуны. Не безинтересны те произведения ребят, где они высказывают свои взгляды на жизнь и как они рвут со своим прошлым.

Вот стихотворение:

ПЯТНО СМЫТО.

Советская Республика желает одного,
В ее стране нет места унижения,
Преступник может снять с себя преступное
пятно

Трудом, учебою спасти себя от разложения.
Чтоб вырвать молодых преступников из тьмы,
Республика на это жертвует большие суммы,
Берет на вольное житье подростков из тюрьмы
И направляет их в рабочие коммуны.

И мы, трудясь со всеми за одно,
Должны благодарить страну Советов
За то, что смыто с нас преступное пятно
И вновь открыт нам доступ к свету.
И новый светлый жизни час пробил,
Разорвана преступной жизни паутина.
Так пусть же здравствует восьмая годовщина
И слава вечная тому, кто день свой сотворил.

А вот, как пишет один из членов Трудкоммуны:

Ш П А Н Е.

Прощай шпана родная,
В шалмане мне не жить
Эх, «Фомочка» стальная
Тебя мне не носить.

Я «шпалер» и отмычки
На радостях пропил,
Как первый стих о смычке
В газете поместил.

Теперь живу я честно,
Не буду воровать,
И вам совет мой: нужно
Жизнь новую узнать.

Как хороша жизнь эта,
О, как легко живешь,
Теперь при виде «мента»
Уж не бросает в дрожь.

Хочу я быть поэтом,
Но вас мне не забыть,
Жизнь вашу новым светом
Стремлюся осветить!

Ребята вспоминают о том, как они в тюрьме переживали смерть Ильича. Н. С.¹⁾ рассказывает в своем воспоминании об этом дне.

«Мы открыли окно, был страшно холодно и слышали залпы орудия и гудки фабрик. Эта была последняя минута, когда все, исключая нас арестантов, прощались с великим вождем свободного народа. И было видно грусть и слезы на изнуренных, худых лицах арестантов, что мы не можем быть там и проститься, как все рабочие с Владимиром Ильичем Лениным».

А тов. Н. подмечает другое:

«Ты спиши и не слышишь,
Как партия в ногу
Все тверже и тверже
Шагает вперед.

¹⁾ Кстати этот член коммуны теперь кандидат ВКП(б) и заведует сапожным цехом в другой коммуне, одновременно учась по вечерам на рабфаке.

Конечно, в газете широко освещается быт ребят.

На каждый выпуск стенгазеты члены коммуны живо реагируют. Начинается критика помещенных произведений, споры об указанных недостатках и т. д. Стенгазета в коммуне играет громадную воспитательную роль, она усиливается еще тем, что руководителями этого общественного воспитания являются сами члены коммуны. Сильно интересует ребят один вопрос из серии общественно-культурной работы в коммуне—это выдвижение актива из среды членов коммуны. В первое время активистами можно назвать было только 2 товарищес, но по мере развития производства развивалась и поднималась сознательность ребят. Родилось ядро актива, увеличивались кадры сознательных, болеющих за дело коммуны строителей, учащались «вечера вопросов и ответов». Разбирая эти вопросы, нельзя не удивиться, как далеко зашло у ребят желание знать все и вся. Они ставят вопросы о религии, политике, об астрономии и т. д. Это показывает, что коммуна ОГПУ приучает ребят не только к труду, но и делает их культурными и сознательными гражданами СССР.

Те, кто до сего времени утверждает, что для культурной жизни юные правонарушители не могут стать культурными работниками, те должны, приняв во внимание опыт Трудкоммуны ОГПУ, пересмотреть свои взгляды на правонарушителей.

КОЛЛЕКТИВ – ВЕРХОВНЫЙ ОРГАН КОММУНЫ

Как сказано, ребята вступали в Трудкоммуну крайне недисциплинированными, даже с органической враждой к дисциплине. Если они в прошлом на «воле» собирались в небольшие группы и выбирали себе вожаков — это делалось по силе профессиональной необходимости и носило характер чисто внешнего подчинения главарю. Энергичный вожак, деспотически относясь к своим товарищам, имел единственное преимущество перед ними: тяжелый кулак или острую финку, этим он и скреплял группу подростков. В сущности это было насилие, а известно, что насилие не создает внутренней самодисциплины. Когда ребята пришли в Трудкоммуну необходимо было приучить их к жизни организованной и, в первое же время, именно к внутренней самодисциплине. Коммуна предлагала им условия полнейшей свободы, а они только что вышли из тюрьмы, прошлое у них крайне тягостное, не окрепшую волю подростков тянет к старым искушениям, будущее — туманно настоящее — ново, непонятно. Все это сильно переживается ребятами и они ищут руку, которая помогла бы им твердо встать на новую трудную дорогу. Рука должна быть такой, которой ребята вполне доверяли бы. Организаторы

коммуны создали такую поддержку ребятам в форме коллектива коммуны.

В свободных условиях трудкоммуны любой правонарушитель без труда смог бы обмануть бдительность руководителей, но твердая организация из самих ребят быстро создала полнейшее подчинение их коллективу, в которой они сами играют роль решающих и подчиняющихся; каждый начинает понимать, что он вырабатывал правила поведения жизни в трудкоммуне наравне с другими и эти другие, в случае нарушения им правил коммуны, по головке не погладят. А глаза этого коллектива слишком остры, слух тонок и не легко уклониться от его контроля.

Новички постепенно втягивались в активную работу коллектива и начали понимать его задачу: соблюдение порядка жизни и основных условий работы трудкоммуны.

Коллектив наиболее сознательных ребят является, в полном смысле слова, верховным органом коммуны.

Все основные вопросы, все крупные конфликты решает и разбирает коллектив. Организаторы коммуны заставили весь педагогико-производственный состав коммуны работать в полной согласованности с коллективом воспитанников.

Постепенно все ребята так привыкли к такого рода «законодательному» органу коммуны, что сами протестуют категорическим образом, если видят, что кто-либо не подчиняется коллективу. Только однажды, на 8 месяце существования коммуны, ребята в общем собрании коллектива приняли одно постановление, а заведующий коммуной, не руководствуясь этим постановлением, на-

рушил решение ребят, тогда они, считая свое постановление более правильным, вновь собрали собрание и атаковали заведующего. И вполне понимая, что ребят нужно приучать уважать свои постановления, заведующий после спора с собранием, показав пример дисциплинированности, согласился с постановлением ребят. Этот факт, как будто мелкий, имел серьезное воспитательное значение: ребята могли на деле убедиться, какое оружие у них в руках перед теми подростками, которые выражают упрямство и нежелание исполнять постановления и требования общего собрания. Здесь несомненно имеется опасность, что при неумелом руководстве заведующий окажется в хвосте массы, поэтому вся мудрость руководства заключается в том, чтобы умело руководить, опираясь на основную массу актива, и через него, вместе с ним, посредством его осуществлять правильность руководства. Нами уже указывалось, что основные вопросы производства также разрешаются на этих общих собраниях. В частности, вопросы больших заказов для мастерских ребята разбирают на своем коллективе. А вопросы сравнительно мелкие отдаются на разрешение цеховых коллективов. Члены цеховых комиссий, как сказано, от производства не освобождаются и всю работу по комиссии проделяют, как общественную обязанность. Ребята на такую нагрузку не жалуются и выполняют ее вполне добросовестно. Уклоняющиеся от этой обязанности не замечено и есть уверенность, что едва ли они в природе коммуны обнаружатся.

Институт самоуправления, так называемый контроль, выбирается общим собранием на 4 дня. Его функции — следить за жизнью всей коммуны. После

каждых 4 дней он делает краткий отчет и его переизбирают. Это часто бывает после обеда, тут же в столовой, чтобы специально не собираться. Контролю подчиняются все ребята. Все свои действия он, конечно, согласовывает с администрацией Трудкоммуны. Но помимо контрольной работы по коммуне нужно кому-то за всеми прибрать в общежитии, кроме того общежитие нужно охранять. Вопрос охраны очень важный вопрос. Дело в том, что если иметь вольнонаемную охрану, т.-е. не из самих ребят, то это будет вызывать в коммуне целый ряд юривотолков. Ребята могут понять, что им не доверяют, а это был бы удар по самой основе коммуны. А охранять есть что: днем общежитие, склады, ночью— мастерские, огороды и т. п. Для этой цели «контролю» дано право каждый день по алфавиту назначать себе 2-х помощников, которые, главным образом, убирают общежитие и его охраняют. Эти помощники называются «дневальные». Как контролер, так и дневальные освобождаются от производства, с содержанием жалованья. Впоследствии, когда коммуна уже определила себя как мощную производственно-воспитательную единицу, дневальные были упразднены, так как частые дежурства мешали правильному производственному обучению, да и невыгодно было для коммуны отрывать квалифицированного слесаря, токаря, сапожника, деревообделочника для исполнения роли сторожа или уборщика. Общее собрание решило за счет отчислений от жалованья содержать для этой цели вольнонаемный штат. Это не значит, что можно было с этого начинать, наоборот, это возможно только, как последующий этап. Кроме этих органов самоуправления существуют еще и комиссии, руководящие своею отраслью. Вещевая комиссия

сия, продуктовая, клубная руководят всей общественно-культурной работой. Эти комиссии состоят из 7 человек и выбираются на один месяц. Последним вопросом самоуправления является самообслуживание. Оно вводится только на производственных началах. Мастерские и цехи коммуны вырабатывают все предметы необходимые для коммуны, в первую голову мебель. Но самообслуживание в виде заботы об обеде, кипятке, стирке и т. п. выполняется специальным персоналом в коммуне, за счет вычетов из жалованья ребят содержится этот персонал. Ибо в основе всего стоит производственная работа и учеба, а все, что ей мешает, удалено от ребят. Первое время на самообслуживание используются ребята, но коль скоро они начинают квалифицироваться, отрывать их на работу не по специальности невыгодно как для них, так и для коммуны.

Этим еще раз подчеркнута важность производственного принципа обучения. Ребята стараются скорее получить квалификацию, поэтому-то им самообслуживание совершенно не по душе.

— 87 —

опытами, ибо наша гибкая методика приводит к тому, что в то же время мы можем использовать и методы народной педагогики, и методы научно-исследовательской педагогики, и методы педагогики высшей школы, и методы педагогики начального образования, и методы педагогики профессионального образования.

КОМСОМОЛ В КОММУНЕ

Многих вероятно удивит заголовок этой главы.

Тов. Семашко в своей статье о Трудкоммуне пишет: «Это одно из советских чудес, которому не веришь до тех пор пока не посмотришь своими глазами». Действительно пока не увидишь воочию жизнь этой странной коммуны, не поверишь результатам к которым она привела бывших преступников.

В самом деле: какое отношение может иметь комсомол в коммуне? Многие подскажут, что обязанности комсомола—помочь ОГПУ построить коммуну и расширить ее опыт. Но не много найдется таких, кто бы мог поверить, что ВЛКСМ подошел не только так к своим обязанностям по отношению к ребятам. ВЛКСМ поставил себе целью после того, как получились благоприятные результаты деятельности трудкоммуны, организовать из самих коммунаров ячейку комсомола.

Бывший секретарь Московской организации ВЛКСМ тов. Матвеев к годовщине коммуны пишет, что «Необходимо будет пойти на организацию в коммуне ячейки ВЛКСМ, не широкой, а отобрав лучших, поставив перед ребятами ячейку союза целью. Через ячейку ВЛКСМ мы окончательно приобщим ребят, как равноправных граждан к честному рабочему миру».

Это писалось тогда, когда у воспитанников только что появился интерес к комсомольской работе. Интерес не с луны упал, не случайно явился. Комсомольцы ячейки ОГПУ поняли, что с организацией трудкоммуны ячейка ОГПУ приобретает новую обязанность вызвать интерес членов коммуны к комсомолу и политике, а потом выковать из них политически сознательных рабочих. Трудная была задача. Мы уже указывали, насколько масса была равнодушна ко всем общественным вопросам. Отношение ее к комсомолу было определенно отрицательное. Ведь комсомол — олицетворение общественности, учебы и неимоверной работы в деле рабочего класса. А ведь именно это и ненавистно представителям юной преступности. Переубедить их дело сложное, и, казалось, обреченное на неудачу. Жизнь показала другое. Ребята не только поняли и усвоили себе принципы комсомола и его работы, но загорелись, поняв, что комсомол, учеба и работа должны привести их к строителю новой жизни — к ВКП. Иначе разве смог бы поэт стенгазеты коммуны А. в стихах на смерть Ильича воскликнуть:

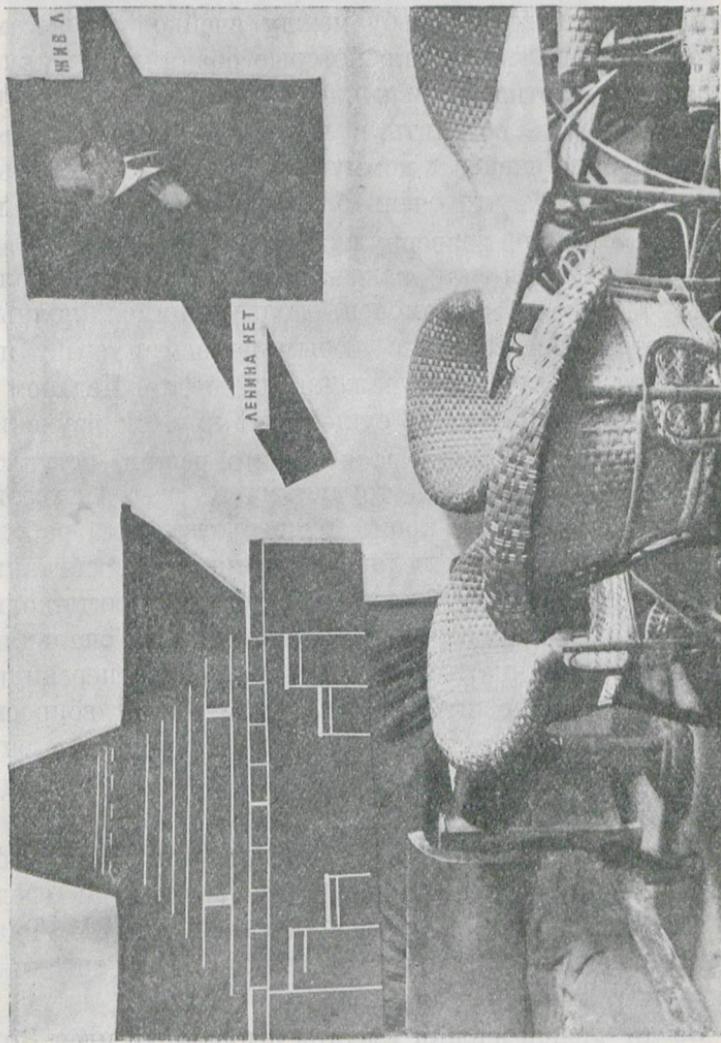
«Да, он угас, но пламенно пылает
Проснувшийся вулкан, взорвавший произвол,
А в центре ВКП, страною управляя,
Кует себе в огне на смену комсомол».

Каким образом возникла комсомольская ячейка в коммуне? Выше говорилось, что ячейка ОГПУ не оставила в стороне от себя молодую коммуну. Она несколько раз посыпала туда своих ребят. Конечно, большинством успехом они первое время среди правонарушителей не пользовались. Членам коммуны казалось слишком туманной вся классовая борьба, комсомольская учеба и

прочее. Однако, день за днем, ребята все больше освобождались от паутины и трязи прошлого, все чаще, острее вставали вопросы общего характера. Приезжающие комсомольцы стали находить ребят, интересующихся беседой с ними. «Дальше в лес, больше дров». Беседы, приобретая постоянный состав слушателей, становятся более систематичными. Еще один шаг и готов кружок по изучению устава ВЛКСМ. Почему устава? Вероятно, здесь возможен только один ответ: члены коммуны всего больше в своей жизни боялись дисциплины. Они умели, как сказано, или подчиниться физически-сильному вожаку или воровской этике, которая жестоко мстит не исполняющим ее законов и традиций. Поэтому ребят больше всего комсомол заинтересовал своей дисциплиной и структурой. В кружок записалось 35 человек. Но не все, на сей раз, оказались притодными для комсомола. Через некоторое время в кружке остались только 18 человек, но затем, постепенно, вновь вступило 15 человек. Ячейка не осталась какой-то секцией в коммуне. Как только политически созревали ребята, они втягивались в комсомол и последнее время ячейка расширилась до 43 комсомольцев.

Вступивши в комсомол, некоторые ребята «закомчвались», почувствовали себя более «высшими существами», нежели остальные их товарищи, не имеющие билета ВЛКСМ. Эта была, пожалуй, весьма сильная опасность нарушить нормальную жизнь коммуны. Что может быть хуже раскола членов на 2 лагеря? Однако, задравших нос и еще не совсем окрепших комсомольцев удалось легко заставить не возвышаться над другими. Собрав всю коммуну, руководители ясно и просто, по-товарищески разъяснили, что такое комсо-

и снимком из японской газеты по изображению сюжетов ком-
итета обороны Фордитской и японской по иссле-
дованию японской археологии.

Ленинский уголок. В этой комнате зимой 1922 года жил на отдыхе В. И. Ленин.

мол, какие обязанности он будет иметь к их коммуне и как он относится к беспартийной молодежи. Эта беседа и неустанный труд по корректированию работы ячейки уничтожили всякую борьбу между ячейкой и массами воспитанников. Три парня, которые обвиняли ячейку в неправильном отношении к членам коммуны, даже выразили желание вступить в комсомол. Так строилась комсомольская ячейка в коммуне, проходя сквозь целый ряд препятствий, что очень благотворно отразилось на ней. Перед ячейкой развернулось множество работы. Там, где есть комиссия или какое-либо общественное положение, там же и комсомолец, пользующийся полным авторитетом. Поговорите с любым парнем и сразу почувствуете его глубокое уважение к ячейке. Недаром и по сие время при ячейке существует кружок изучения устава ВЛКСМ. Там учатся те, кто решил вступить в комсомол. Таких в трудкоммуне всегда хватит для кружка. Ячейка кроме руководства всей работы среди членов коммуны ведет еще ленинское воспитание своих членов. Ребята бегают на занятия политшколы. А когда они приходят вечером домой, то по спальням, на постелях, начинаются споры, постепенно перекидываясь во все общежитие. Возникают всякие вопросы. Будет ли война; чего хочет Троцкий; какие у нас внутренние затруднения; роль производственных совещаний; происхождение человека и пр. и пр.

Теперь ячейка настолько окрепла, что взяла шефство над двумя другими ячейками комсомола: среди беспризорников и над сельской ячейкой ВЛКСМ. Туда каждую неделю отправляются активисты ком'ячейки и направляют комсомольскую работу.

Среди членов ячейки имеется выбранный член Вол-

Ячейка. Снято во время обеденного перерыва.

кома и Укома. Так развивается эта удивительная организация комсомола, где секретарь, весьма любимый всеми в коммуне и прекраснейший работник, еще не так давно был опытнейшим вором-рецидивистом.

Ячейка с радостью всегда отвечает ребятам на корабль «Марат». При разговоре с комсомольцами так и чувствуется, что они не по-казенному относятся к этой большой и важнейшей обязанности наших организаций: вести переписку с подшефным ВЛКСМ Красным Флотом Республики. А недавно вместе со всей комсомольской делегацией ездил на «Марат» член коммуны Н. Босторг его делегата сильно взвуждало ребят, много пыла, энергии и энтузиазма дала эта поездка и рассказы о ней.

Ячейка работает, но на этом она не успокаивается, а как пишет в своем отчете в стенгазете: «Это не значит, что теперь можно отдыхать, успокоившись нашими достижениями, нет, наоборот, теперь, когда к нам пришло еще 15 чел. ребят, надо теснее сплотить свои ряды, устроить, удесятерить свою энергию и работать, учиться работать».

КООПЕРАТИВ

На границе между коммуной и селом, на территории коммуны, при самом выходе в деревню стоит одноэтажное здание, раньше служившее дачей, на этой даче висит вывеска, где белыми буквами выведено: «Кооператив Трудкоммуны ОГПУ».

Разглядывая состав теперешних покупателей и товаров—не верится, что это кооператив коммуны. Не верится потому, что размах кооператива далеко оставил позади размеры самой коммуны. Трудно поверить и в то, что теперешний кооператив поставили на ноги исключительно одни ребята. А это именно так и произошло.

Первая мечта о кооперативе у ребят родилась тогда, когда у них в кармане зазвенели деньги, полученные, как заработок. Правда, заработка был незначителен к моменту возникновения мысли о кооперативе, тогда наивысшая ставка получаемая на руки составляла не более пяти рублей с половиной, но и этого было уже достаточно для того, чтобы реализация этих денег пошла по неправильному пути, на водку, на карты. Нужно было использовать настроение так, чтобы деньги пошли на нужды ребят. Этому еще способствовало то обстоятельство, что ребят не баловали. Они были достаточно

хорошо одеты, но кроме представляемых коммуной продуктов ведь хочется еще чего-нибудь другого. Захотелось папирос. Нужно было добиться, чтобы члены коммуны свои деньги обменивали на те или другие полезные вещи. А лавченок поблизости нет. Собственно говоря, есть, но они немилосердно дерут, они в руках частника. Ясно, что удешевление товара это осуществляется через свой кооператив.

Тут-то и появилась в голове некоторых мысль «Не создать ли нам кооператив?» Ребятам это понравилось. Конечно, здесь не без соответствующего влияния руководителей.

Члены коммуны—люди упрямые. Препятствиями их не испугаешь. Правда, для кооператива нет ни денег, ни помещения, но зато есть бывшие продавцы. Не важно, что у них в прошлом что-несколько судимостей, они уже «ожилились», а при существующем контроле в коммуне воровать трудно. Все препятствия, как бы они высоки ни были, можно, при желании, преодолеть. Коль ребята решили, то упорства у них хоть отбавляй. И в один летний вечер 1925 г. на общем собрании членов коммуны была выбрана кооперативная комиссия. Задание ей было дано короткое: организовать кооператив.

Комиссия сразу взяла быка за рога. Обратилась к кооперативу ОГПУ за помощью. Те пошли им навстречу, дали кредит. База есть! Теперь нужно помещение. Комиссия долго не думала, пустующую будку можно превратить в здание кооператива. То, что эта будка была построена для того, чтобы хранить садовые инструменты, никак не расстраивало планы кооперативной комиссии. Были закуплены товары, размер выбора его не был широк: хлеб, папиросы, сахар, щетки, да еще кое-что. 14 июля 1925 торжественный день в

коммуне. Двери будки раскрыты и в ней стоят работники кооператива, радостно уверяющие, что их товар лучше и дешевле, чем где бы то ни было.

Кооператив трудкоммуны ОГПУ ставил на первое время весьма скромные задачи: удовлетворять потребности исключительно своих членов воспитанников коммуны. Но первые же дни существования кооператива показали, что в него заглядывают и крестьяне близлежащих селений. Товар вскоре был раскуплен и выяснилось, что нужно покупать более разнообразные товары, чем купленные в первый раз. Каждый новый день все быстрее поворачивал колесо кооперативной работы. Оборот расширялся. Несколько деревень настолько привыкли к кооперативу Трудкоммуны, что часто стали появляться очереди около кооперативных прилавков.

В соседних деревнях держали лавки кулаки. Город далеко и «хочь, не хочь», а иди к кулаку и покупай на последние гроши плохой товар. Спокойно жили торговцы, обирая крестьян. Но лишь открылся кооператив в Трудкоммуне—сразу заметили деревенские торговцы, что не так уже густо идет к ним народ, и поняли, что не выдержать им конкуренции с ребятами. Тогда кулаки решили бороться с кооперативом. Сначала обкладывали его бранью и клеветой. Не помогает.

Один торговец, действуя решительно, перестал продавать недостающие в кооперативе товары тем, кто ходит в кооператив. Но и это не помогло. Да и кооператив подтягивался, учитывая потребность крестьян. Запишет чего спросят и в следующую поездку закупит.

«Не мытьем, так катаньем»—решил торговец. И вот однажды кооперативная комиссия была страшно изу-

млена. Стоял перед ней торговец и просил принять его в пайщики кооператива. «Я и денег дам — убеждал он ее,—а работать мы будем с вами вместе во единую, так, чтобы не мешать друг-другу». Очень смеялись ребята, когда, понурившись, ушел кулачок с заседания кооперативной комиссии. Битым оказался кулак, а победителем кооператив.

Результаты стали скоро сказываться. Один торговец закрыл свою лавку. Другие еле-еле еще держатся.

Победителями оказались люди, у которых в среднем имеется по 7 лет воровского стажа. Теперь они ворочают тысячами по своему усмотрению и ни «утечки», ни «дефицита» нет. А кооператив работает так:

- 1) Средний запас товаров у кооператива 12.000 р.
- 2) Чистая прибыль 1924/25 г. 121 р. 75 к.
- 3) Чистая прибыль $\frac{1}{2}$ полугодие 1926 г. 1.510 р. 73 к.
- 4) А теперь дневная выручка равняется 400—500 рублей.

Цифры прибыли показывают, как за один только год вырос оборот кооператива. Ясно, что прежнее помещение стало слишком тесно и его пришлось заменить большой дачей.

БЫТ В КОММУНЕ

Когда заходишь в общежитие коммуны, где живут ребята, невольно сопоставляешь их с теми, кто еще но-чует под забором, в грязных ночлегах, «в ютлах» и т. д. Живут в больших комнатах, ничего лишнего, ничего трафаретного. Так, в одной из комнат можно найти на-ряду с постельными принадлежностями, выдаными коммуной, целый ряд предметов приобретенных самими ребятами—одеяла, подушки, наволочки, накидки и пр. Тут и картины собственной работы, чертеж локомобиля, полочка с журналами и газетами, портреты вождей, писателей и целые коллекции фотографиче-ских карточек и т. д. Каждая комната имеет свою фи-зиономию: в одной из них в переднем углу висят ин-струменты двух оркестров: и духового и струнного—балалайки.

Отношение ребят друг к другу вполне товарище-ское. Правда, первое время, когда оздоровляющее влия-ние членов коммуны на них не могло еще сказаться, часто происходили драки, страшные споры и скандалы. У многих еще руки чесались желанием разрешить това-рищеские споры посредством финки. Конечно, тут же ярко цвела забористая матерщина. Привычки прежней, разнужданной жизни, часто настолько овладевали ребя-

тами, что порой казалось: коммуна не в силах будет освободить ребят от кошмарного прошлого. Но руководители, не отступая перед трудной задачей, энергично принялись за борьбу. Правильные товарищеские отношения—залог перевоспитания ребят. Без этого не может существовать никакая коммуна.

Шаг за шагом осмотрительно и чрезвычайно осторожно отучивались ребята от всего позорящего коммуну. В первую голову поставили целью борьбу с драками и скандалами. Здесь очень помогла группа наиболее активных и сознательных коммунаров. По истечении известного времени перестали в коммуне слышаться слишком энергичные выражения, стремление разрешить диспут при помощи поножовщины стало все реже и реже появляться. Между коммунарами начались новые отношения, ничем не похожие на старые, определявшиеся их преступным ремеслом. Желания подрасться, насолить своему товарищу ни с того, ни с чего, а просто так «за здорово живешь» стали отходить в область преданий, их заменяли споры на собраниях, при разрешении спорных вопросов.

Органы самоуправления, культпросветработка и развитие комсомольского движения прочно заложили основу товарищеских, дружеских взаимоотношений. Конечно, в этом деле основную роль сыграл коллективный труд в мастерских коммуны. Разумеется, и теперь иногда спор разрастается в скору. Но это уже не массовые явления, а редкая «отрыжка старого».

В настоящее время у ребят заметно выросло взаимное уважение друг к другу. Они заботливо помогают новичку скорее овладеть теми знаниями, которыми владеют сами. Так, в письме к одному руководителю ОГПУ,

Уголок спальни.

с которым ведут частную переписку, они не забывают с любовью отметить, что «есть у нас новенькие, только что принятые в коммуну, которые слесарную работу раньше совсем не знали, но стараются и быстро идут вперед». В другом письме корреспондент цеха с радостью пишет: «новые ребята, про прием которых вы знаете, втянулись в нашу работу и идут наравне со всеми».

Это тем более показательно, что наиболее сильный антагонизм во всяких воспитательных учреждениях всегда, «с испокон веков», проявлялся между «старыми» и «новенькими». Коммуна перешагнула через это. В ней «старые коммунары» заботливо помогают «новичкам» скорее стать тоже «старыми» коммунарами. Внимательному читателю строк это не покажется странным.

Необходимо отметить, что ребята коммуны в половом вопросе не маленькие. Среди них незначительный процент (от 2—3%) хворал венерическими болезнями, много занималось опианозом, некоторые шедрастие. Все были проверены и венерики излечены. Коммуна не запрещала общаться с крестьянскими девушками. Ребята этим не злоупотребляют. В течение всего существования трудкоммуны не было случая скандала из-за девушки. Поведение членов коммуны в этом вопросе было вполне здоровое «корректное».

Некоторые наиболее взрослые и проявившие большую выдержанность в своей жизни в коммуне, решили жениться. Дело за невестами не остановилось и вскоре ЗАГС зарегистрировал новых супружиков, а коммуна весело спрашивала свадьбу своего товарища. Часть из них, — те, что ушли на производство вне пределов ком-

муны, часть же поселилась около коммуны, и все еще продолжают работать в мастерских коммуны, как инструктора — квалифицированные рабочие. Это уже крепкие люди, вполне овладевшие квалификацией своего дела.

Теперь определенно известно, что в коммуне нет ни одного онаниста, ни педераста. Также до сего дня из живущих в коммуне никто не заразился венерической болезнью.

Нами уже указывалось, что первые дни коммуны в ее общежитиях и мастерских густо цвела самая изысканная матершинна. Известно, что бороться с этой язвой прошлого трудно даже среди рабочих. Тем более трудно это было сделать в таком учреждении, как трудкоммуна. Однако, был предпринят целый ряд мер. В первую очередь зовули в эту борьбу самих ребят. На общем собрании коммуны был разъяснен вред браны, причины ее появления и то, что ей совсем не место в трудовой коммуне. Ребята с этим согласились. «Но,— сказали они,— отвыкнуть от этой привычки сразу нельзя». «Давайте помаленьку» — просили они. Однако, решили применять наказания разнообразного характера, лишение поездки в Москву и штраф в пользу клуба и т. д., смотря по степени виновности. Организованная борьба самих воспитанников против матершины дала прекрасные успехи. Как система, — взаимное порицание посредством бранных слов — почти исчезло. Правда, она еще не совсем умерла и нет, нет, да, вдруг где-нибудь в уголке раздастся звонкая многоэтажная руготня. Сейчас же в этот злосчастный угол направляется парень из управления или любой присутствующий чл. коммуны и виноватый оправдывается перед

ним: «Не заметил, само по себе вырвалось, право же — не стану». Но это бывает все реже и реже и есть надежда, что, наконец, материщина совершенно покинет стены трудкоммуны.

Также нелегко обстояло дело с изживанием пьянства. Многие пришли в коммуну настоящими алкоголиками, но борьба против зеленого змия все-таки была проведена руководителями в союзе с сознательной частью воспитанников. Изредка пьянство становилось почти всеобщим. Много было положено труда, чтобы его остановить. Постепенно и это удалось. Правда, и сейчас еще иногда в коммуне появляется напившийся паренек, но это явление не массовое, а потому с ним легче бороться.

С употреблением наркотических веществ борьбы почти не было, дело сложилось таким образом, что в первые два месяца был обнаружен только один случай употребления кокаина. Вопрос был поставлен резко, шарни выгнали и больше случаев не было. Правда, зато много курили те, кто раньше употреблял «марохет»¹⁾, выкуривали пачку и полторы махорки в день. Ниухавшие почти все обясняют свой порок одинаково. Вот одна выдержка из автобиографии Т. С. Т.

«В 19 лет я опять нашел своих родителей, в то время был голод, я пришел к ним, когда в окно родителей смотрела смерть и не прошло трех недель я потерял их навсегда. И тут же я стал настоящий зверь, перестал щадить даже всех, кто был и беден, мстя сам за себя. Но эта месть лишь кровь за кровь. Меня стали судить, по больших сроков не дали, все время я избегал тюрь-

¹⁾ Марохет — кокайн.

мы, я стал прятаться по разным городам, стал больше чем прежде нюхать, пить, лишь только потому, чтобы хотя забыться на минуту от проклятой своей жизни, даже забыл о своей несчастной сестре, которая осталась 10 лет и другая — 6 лет, без крова, круглыми сиротами». (А теперь он женат, имеет ребенка и не нюхает).

Можно отметить и такой приятный факт, как совершенное исчезновение карточной игры. Вероятно, тут сыграло то, что деньги у ребят появляются лишь после долгой и упорной работы в мастерских и бросаться ими не так легко. Об этой трудовой копейке вспоминает один из доморощенных поэтов коммуны:

«Теперь же есть копейка,
Достать ее нам тяжело,
Но жизнь стала честнее
И на душе легко».

А раньше было наоборот.

«Была у нас копеечка,
Доставалась она легко,
Была и жизнь веселая
Да после было тяжело».

Было у чл. коммуны еще одно испытание. Соседние крестьяне, вначале не возлюбившие коммуну, потом сменившие гнев на милость, решили по-приятельски обходиться с членами коммуны. И по доброте души своей стали подносить приходящим к ним в деревню ребятам стаканчик самогону. Много было потрачено бесед с крестьянами и ребятами, дабы первые не так были добры, а вторые не так бы ретиво принимали эти самогонные угощения. С течением времени и это урегулировалось в потребном для Трудкоммуны смысле.

Первое время в Трудкоммуне заметили, что из среды членов коммуны стали выявляться вожаки небольших групп. Они терроризовали своих товарищей, подчиняя последних кулаком или своим прежним авторитетом. Нами выше указывалось, что такая история весьма нередко повторяется во всех подобного рода заведениях. Это явление необычайно трудно уловить, так как оно развивается не на виду у всех, а тайно, тем не менее Трудкоммуна об'явила вожакам беспощадную войну. Ведь достаточно двум-трем таким атаманам закрепиться в коммуне и ее значение превратилось бы в нуль. Тогда уже не могло-бы быть и речи о нормальной самой дисциплине, коммунистическом развитии, правильной производственной деятельности. Вот почему нужно было, как можно безболезненно изжить это большое явление вожаков, despотически-управляющих подвластной им группой.

Но как это сделать? Где найти орудие, которое скрушило бы не извне, а изнутри этих «вредителей» вполне здоровой и жизнерадостной организации Коммуны? Орудие было найдено в лице крепкого, коммунарски выдержанного ядра активнейших ребят. Она выделила из числа тех, которые быстрей других сознали гигантскую работу, производимую коммуной, о которой они пишут в стендгазете:

«Коммуну, нашу матушку,
Мы крепко бережем!».

Ядро активистов прекрасно выполняло свою задачу. И, если бы теперь какой-нибудь, чересчур, властолюбивый парень захотел проявить тиранию над более слабым, — кроме общего смеха эта попытка, пожалуй, ничего не вызовет.

Интересен вопрос об отношении членов коммуны к религии и церкви. Об этом красноречиво говорят их собственные слова в анкетах.

1. «Никогда я к церкви не имел никакого отношения. И сейчас знать ее не знаю».
2. «Религия — обман».
3. «Церковь? Ходил только воровать».
4. «Вообще я всячески религию ненавижу и этих попов».
5. «Отношение к религии больше чем отрицательное, ходил в церковь, когда отец заставлял, а потом сам не ходил, а лазил в нее и Успенский Собор в Кремле».

6. «Отношение к религии отрицательное. Не верю в бога».

Вот, взятые наудачу из груды анкет, ответы членов коммуны.

В первые месяцы жизни Трудкоммуны население окрестных деревень относилось весьма отрицательно к ней. Вообще, давно известна непреклонность окружающей среды к тем воспитательным домам, где живут беспризорники или юные правонарушители и хоть Ф. М. Достоевский передко заявлял, что русский народ к преступникам относится мягко, как «к несчастненьким», все же крестьяне вешали, до обидного, большие замки на запоры своих изб и сараев. А дачники, когда узнавали, что по близости есть «колония преступников», крепко задумались — умно ли сделали, что приехали отдыхать сюда, когда тут

Крестьяне первые дни даже хотели обратиться в ЦИК с просьбой убрать из их мест Трудкоммуну. Надо

сознаться, что и члены коммуны неособенно тактично обращались с крестьянскими парнями. Часто происходили драки, ссоры. Это, конечно, легко было прекратить, гораздо труднее было наладить правильные дружеские взаимоотношения со всей массой крестьянства. Беседами тут поможешь мало. Крестьянство слишком упрямо было в мысли, что коммуна будет вредна ему. И если все-таки теперь отношения между деревнями и Трудкоммуной вполне дружелюбны, то получилось оно не в результате бесед. Главную роль здесь сыграли заинтересованность крестьян в существовании коммуны с экономической стороны. Дело в том, что как только коммуна твердо почувствовала себя на ногах, она начала производить целый ряд построек, ремонтов и проч. К этой работе было привлечено и окружающее население. Ему было сдано тужевое обслуживание перевозок материалов в коммуну. Ремесленникам (каменщикам и кустарям) были сданы работы по оборудованию помещений. А потом, когда задымились горны кузницы и завертели станки в мастерских коммуны, крестьяне увидели, что около них расположились в высшей степени необходимые для крестьянского хозяйства и обихода мастерские. Отпала необходимость ездить починить колесо за десятки верст, когда можно это сделать в мастерской коммуны. Развивающаяся культурно-просветительная работа в коммуне захватила и крестьянскую молодежь. Она пошла с большой охотой в совместные с членами коммуны кружки. Еще охотнее потянулись на различные вечера, организуемые членами коммуны. В свою очередь члены коммуны были допущены в общественную жизнь в смежной с ними деревне Костино.

Пляска во время обеденного перерыва.

Коммуна играет для деревень роль культурного рычага. Когда праздновалась годовщина ее существования, — председатель сельсовета говорил, что необходимо крестьянству приходить почаше в коммуну и учиться в ней культурности. И этот же предсельсовета призывал само население провести борьбу с теми уже немногими крестьянами, которые еще до сего времени относятся враждебно к коммуне. Как яркий факт говорящий о том, что в настоящее время отношение между деревней и коммуной вполне наладилось в положительном духе, можно привести то, что один из чл. коммуны выбран сельским сходом в члены Сельсовета, а некоторые крестьяне отдали своих дочерей в жены ребятам. Так члены коммуны завоевали себе полное доверие у крестьян.

Началось с драк и ссор, с больших замков и желаний протестовать в ЦИК, а кончилось выбором воспитанника коммуны в руководящий аппарат власти села. Это с первого взгляда как будто небольшая мелочь, однако, она имеет огромное значение. Ведь без этого едва ли Трудкоммуна могла нормально развиваться. Это для коммуны, а разве для деревни малая польза от пользования производством и культурной жизнью коммуны?

Крепкий деловой союз между коммуной и деревней еще более спаивает кооперативом, который так энергично разбил первые атаки кулаков, заставил уйти их из деревни, завоевал себе всеобщее уважение в крестьянской массе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло четыре года. Много пережила коммуна. Тот, кто видел ее даже год назад — теперь не узнает ее, так далеко она шагнула вперед.

Строится новая фабрика по обработке металла, где будет занято до 400 человек. Строится новый каменный четырехэтажный дом, где разместится до 400 человек. Строится новый клуб.

Коммуна выделила уже не одного организатора, который работал и работает по созданию других коммун.

Выросли при непосредственном участии членов коммуны новые коммуны: 2-я коммуна в Николо-Угреше на 1.300 человек, 4 коммуны Наркомтруда, вмещающие до 4.000 человек. В их организации принимали участие ребята Болшева и Николо-Угреша.

Многие не верили в существование коммуны, но теперь даже зарубежные враги не могут не считаться с этим фактом. Масса иностранных делегаций разных стран, посетивши коммуну, воочию убедились в том, что ОГПУ,—то самое учреждение, о котором там говорят не иначе, как об учреждении людоедов — строит новую жизнь для тех, кто там, за рубежом, считается неисправимым и погибшим для общества.

А для нас ясно, что страна строящегося социализма и этих людей должна превратить и превращает в честных тружеников.

СТИХИ РЕБЯТ И
ПЕРЕПИСКА С НИМИ

«Настоящее стихотворение является частью большой поэмы «Максим Горький», которую я утерял в тюрьме в Ростове. Эти строки в настоящее время вспомнил. В поэме описывается мой сон. Я встречаюсь с Горьким на бульваре Садового кольца и начинаю с ним говорить».

Я и М. ГОРЬКИЙ

Не шумит Садовое кольцо,
 Голоса все медленней и глушатся
 И сказал я Горькому в лицо:
 Алексей Максимович, послушайте.
 Ваша жизнь была не шир горой,
 Каждый день гремит не умолкая.
 Отчего же звонкое перо.
 Отчего же выпрека такая?
 У меня в груди невольный гнев,
 Ты попробуй босый в эту стужу,
 Воспевать четыре дня не ешь,
 Хоть не море, а простую лужу.
 О, клянусь огнями фонарей,
 Что бывает лев сидит в забитой кляче,
 Покорми меня и обогрей
 И тогда проговорим иначе.
 Так и я не кончил говорить
 (На бульваре ветер был ужасный)
 Заалели кровью фонари.
 Улыбнулся мне Максимович ясно.
 И не все обидное в ответ
 Беспрizорнику и жулику, как другу
 Алексей Максимович-поэт
 Протянул мне дружескую руку.

Л. М.

НАРОД-СУДЬЯ

Точно ради меня солнце ласково грело
В этот день голубой, перед судом я стоял.
И за мной, что-то сдержанно глухо шумело,
Это был переполненный зал.
А стоять было жутко и страшно до боли,
Перед этой мне чуждой холодной толпой,
Изливать перед нею то страшное горе,
Что на суд из тюрьмы я принес за собой.
Точно иглы стальные мнё в душу вошлилис.
Сотни глаз любопытной и праздной толпы.
Эти люди как будто бы все говорились,
Из души моей вырвать порока кусты.
Да, в глазах у людей есть великая сила,
Она так велика — даже трудно сказать,
Она буйство и смелость мою укротила,
Отучила боянить и воровать.
Долго, долго я эти глаза не забуду,
Полюбил их холодный и сдержанный свет,
Перед народом-судьей преклоняться я буду,
Посылаю тебе свой сердечный привет.

ПЯТНО СМЫТО

Советская республика желает одного
В ее стране нет места униженью,
Преступник сможет снять с себя позорное пятно—
Трудом, учебою спасти себя от разложенья.
Чтоб вырвать молодых преступников из тьмы,
Республика на это жертвует большие суммы,
Берет на вольное жит'е подростков из тюрьмы
И направляет их в рабочие коммуны.
И мы трудящиеся со всеми за одно
Должны благодарить страну советов
За то, что смыто с нас преступности пятно—
И вновь открыт нам доступ к свету.
Мы день работаем все дружно у машин,
Зато в свободный час любой из нас проказник,

Теперь же собралися как один
На долгожданный трудовой наш праздник.
И новой светлой жизни час пробил,
Разорвана преступной жизни паутина,
Так пусть же здравствует восьмая годовщина
И слава весная тому, что день сей сотворил!

МОЙ НАКАЗ

(Всем пишущим в стенгазету).

Тот вахлак и ротозей
отпетый,
Кто не смотрит за собой
и газетой.
Ведь газета для него—
та же школа,
В ней всегда увидишь жизнь
Комсомола.
Должен каждый день читать
аккуратно,
Наших дней дела не знать
неприятно.
Без газеты жить ей-ей
ведь противно.
Подтянитесь-ка дружней
коллективно.
Каждый должен нам писать
стору нету,
Чтоб с другими связь держат—
чрез газету.

В ДЕНЬ ВЫПУСКА ИЗ КОММУНЫ

В час, когда мы празднуем победу,
Над темным прошлым нашим, над тюрьмой.
Тот кто вырвал нас из тюрем к свету,
Невольно вдруг встает передо мной.
Тот, кто нас ругал, порой сердился.
Кто нас любил, как любит лишь отец,

Кто к жизни вырвать нас добился
И от кого уходим наконец.
И вот теперь, когда уходим
Мы в жизнь, забыв, что раньше было
Мы доротой товарищ просим
Прими от нас за все спасибо.

ДВЕ ВЕСНЫ

Есть какое-то чувство особое,
Когда все на земле расцветает,
Наша жизнь облачается в новое
Сердце чутко всему внимает.
Беселее и легче становится
И невзгоды отходят назад,
Когда птицы с юга проносятся,
Когда трелью наполнится сад.
Но не все на земле ликует,
Когда нас посещает весна.
Люди есть весною тоскуют,
Душу им терзает она.
Люди эти сидят за замками,
Позабытые всеми в тюрьме
И не так вот как мы с вами
Не поют им гимна весны.
Там когда расцветает земля
Появляется торечь обиды,
Чувство есть, что для всех весна,
А ты всеми забытый.
Вот когда донесет ветерком
Шум и смех, что весна вызывает,
Там в тюрьмах за замком
Люди жизнь и себя проклинают.

ПЕРЕПИСКА ВО ВРЕМЯ ОТПУСКА

5/VI—25 года.

Письменный привет тов. П. от ребят слесарного цеха. А писать это письмо стали так: попили чаю и

булки с'ели и пошли работать, хотя и праздник, но нет мастеров, а работать надо. Работали с 8 до 11 часов и пришла нам мысль. Напишем, мол письмо П. и собрались в уголке Ленина, все грязные и начали шебутиться около этого письма. Один кричит так надо писать, другой кричит надо так писать, наконец, сговорились и начинаем. Июнь месяц делали резаки, замки, кровати и сделали на пятьсот рублей, сделали бы больше, но нет счастья в мастерах, а их вчера 4-го разочти и мы работаем одни, духом не падаем и июль месяц закончим заказ замков на 100 рублей, одним словом дело идет хорошо, ребята набазириулись и кричат давай, подавай, не задерживай, одним словом всецело 8 часов отдались работе, другой раз и больше нечего делать, говорят надо. Другой раз чуть не молотками дерутся из-за тисков, другой раз вспоминаем, эх, приехал бы П. и уговорили бы его копеек на 20 на папиросы, а то другой раз бывает кризис на папиросы в воскресенье и так опять скажешь приедет и подарок из Крыма привезет. А меня (Ч) ребята на собрании проговорили полы мыть за то, что в Москве просрочил свой отпуск, а остальное все в порядке. Просили вас, напишите письмо. Ждем ответа.

Следуют подписи.

Село Костино. Трудкоммуна ОГПУ.
5/VII—25 г.

Привет тов. П. от столярного цеха. Тов. П. когда вы уезжали в Крым, то нам было известно, что вы были сильно больны и мы надеемся, что вы нам дадите ответ о своем здоровье и впечатлении Крыма, которому мы будем очень рады. Тов. П. наверное еще не забыли, как вы с неохотой заходили в нашу мастерскую и как на нас кричали во время выдачи карманных денег сапожники, чтобы нам не давать денег, потому что мы не заработали. Но теперь все изменилось, все наладилось, чередом, наша мастерская развернула крылья, расправила перушки, встряхнула лень и принялась за работу. Мы теперь не сидим, как прежде весь день у плиты,

а 8 часов отрабатываем полностью и отстаиваем не задаром, а зарабатываем деньги. За июнь м-ц мы заработали 1.300 р. на заказе диванов, за июль мы заработали 360 р. на заказе столов—30 руб. Приняли заказ ящиков конторских, вот, которые бывают на биржах труда или в профсоюзах и в них кладут карточки для на 2.000 р., которые мы должны исполнить к 20 числу. И вот, как мы стали зарабатывать, то на нас не стали кричать и все прикусили языки и помалкивают. Приезжали тов. Я. и тов. К., осмотрели наши мастерские и убедились в том, что толк будет и решили развернуть наши мастерские в одну целую ф-ку.

Писать больше нечего, желаем вам поправить свое здоровье и об нас сильно не волнуйтесь, привет шлет весь столярный цех, а в первую очередь туберкулезный бацилла Кирьянов Димка, Соколов, Хасан, Иванов и маленький Хасан.

ПЕРЕПИСКА С ТКАЧЕВЫМ, УЕХАВШИМ НА ЖИТЕЛЬСТВО В ДЕРЕВНЮ¹⁾

1-е ПИСЬМО

Здравствуйте, тов. П. . . . Я доехал благополучно и я Вас благодарю за все. Тов. П. . . . недоразумений пока не предвидится и я сейчас на учет не вставал, а почему не вставал, потому что я думаю получить льготу, потому что дядю яставил на экспертизную комиссию и его определили процент утраты трудоспособности 65 %, а в понедельник 2/X с. г. пойду на жеребьевку. Итак, тов. П. . . . еще раз благодарю и затем до свидания, ваш воспитанник Ткачев.

Как комиссия примет, так и напишу.

Жду ответа. Адрес: Рязанской губ., Сасовского уезда и той же волости деревни Юматова.

Как комиссия примет, так я напишу.

Жду ответа. Адрес: Рязанской губ., Сасовского уезда и той же волости деревни Юматова

1) Ткачев несколько раз судился.

2-е ПИСЬМО

Здравствуйте, тов. П. . . .

Письмо от воспитанника Ткачева. Тов. П. . . . уверяю Вас, что я от военной службы остался, а получил 1-й разряд льготу. Тов. П. я вам послал письмо, а вы ответа не шлете, и послал в коммуну, тоже ответа нет. Тов. П. благодарю я Вас, что вы меня вытащили из пропасти и наставили на путь. Еще раз благодарю. Ваш воспитанник Ткачев.

ОТВЕТ 1-й

Здравствуй дорогой товарищ Ткачев.

Получил твои два письма. Очень рад за тебя, что ты хорошо устроился, а еще больше рад за то, что коммуна поставила тебя на хороший путь. Ты интересуешься как живет коммуна: коммуна с каждым днем процветает. В скором времени коммуну мы расширим. Ребята работают хорошо, становятся хорошими квалифицированными рабочими, занимаются усиленно учебой. Работа кипит во всю.

Пиши тов. Ткачев обо всем, как дела в деревне, в каком положении находится твое крестьянство и как к тебе относятся односельчане. Если тебе нужны какие-либо разъяснения напиши, мы тебе всегда с большой радостью ответим и разъясним все вопросы, которые у тебя возникают.

Еще раз подчеркиваю, что очень рад, что все то хорошее, что есть в коммуне в тебе осталось и впредь будь таковым, не сходи с этой дороги, помни, что только Советская власть и Коммунистическая партия могут так перевоспитывать людей. Шлю товарищеский привет.

3-е ПИСЬМО

Здравствуй дорогой товарищ П.

Я Ваше письмо получил, которое меня обрадовало. Дорогой товарищ П., Вы пишите, как дела в деревне: дела в деревне хорошо, еще, дорогой товарищ, крестьянство мое пока ничего, но и односельчане относятся хо-

рошо, но есть некоторые относятся совсем свирепо, дорогой товарищ П., Вы как знаете, что я человек нервный и так мне терпеть очень трудно. Дорогой товарищ П. я еще раз благодарю Вас, что Вы меня наставили на путь и так что я не должен сойти с этой дороги и этого никогда не будет. Дорогой товарищ П., почему не присылают из коммуны писем. Еще уведомляю Вас, что мне сейчас покажется дорога трудная, а почему трудна, потому, что я наверно буду жить семейной жизнью, но семейная жизнь не страшна, но только то страшно, что немного нехватит достатка. Итак, многоуважаемый, дорогой тов. П., приглашаю Вас на свадьбу, а я Вам напишу тогда верную справку, когда у нас дело будет. Шлю товарищеский привет. К. Ткачев.

ОТВЕТ 2-й

Дорогой тов. Ткачев.

Получил твоё письмо, спасибо за ответ. Очень хорошо, что ты не прерываешь переписки. Но прошло уже порядочно времени и ты ничего не пишешь. А ведь ты хотел написать, когда женишься, авось с чем-нибудь поздравим тебя. У нас Чуваев женился и живет в Костино у жены, а работает в коммуне.

Теперь у нас ячейка комсомола 20 чел., ребята ездят на уездную конференцию, а Мишку Панцырного даже избрали в уездный комитет комсомола. В общем дела у нас хорошие.

Напиши, что слышно у Вас, как живешь. Крепко ли держишься. Были ли перевыборы Совета и кто в него вошел. Есть ли у Вас кузница, не ходишь ли ты работать туда. Как будешь жениться: церковным браком или только зарегистрируешься? Чуваев только регистрировался, в церковь не ходил. Коммуна ему подарила большой сундук. Ну пока, пиши обо всем.

С приветом П.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Предисловие	5
1. Что такое Трудкоммуна ОГПУ?	15
2 Первые кирпичи Коммуны	20
3 Труд, как основа Коммуны	54
4 За учебу и сознательность	70
5 Коллектив — верховный орган Коммуны	83
6 Комсомол в Коммуне	88
7 Кооператив	95
8 Быт в Коммуне	99
9 Заключение	111
10. Стихи ребят, переписка с ними	113

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

В. Дюшен

ПЯТЬ ЛЕТ
ДЕТСКОГО ГОРОДКА

имени III Интернационала

Стр. 224.

Цена 1 р. 75 к.

В. Н. и С. Т. Шацкие

Бодрая жизнь

Из опыта детской трудовой колонии

Стр. 203.

Цена 1 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

**Государство и общественность
в борьбе
с детской беспризорностью**

Стр. 85

Ц. 80 к.

**ДЕТСКИЙ САД
и борьба с беспризорностью**

Всероссийская конференция детских домов
(15—20 ноября 1927 г.)

Доклад *М. С. Эпштейна*. Выступления *А. В. Луначарского*
и Долинно.

Стр. 72. Постановления конференции.

Ц. 60 к.

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ
ОХРАНА
детей, подростков и детский
===== ДОМ =====**

Стр. 176

Ц. 1 р. 20 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

М. С. Ўогуславский

ДЕТИ УЛИЦЫ

Стр. 80.

Д. 35 к.

Содержание. Предисловие А. В. Луначарского. От автора. Беспрizорность за последние 10 лет. Детские дома. Состав воспитанников детских домов. Трудовая подготовка беспризорных. Общественно-политическое воспитание беспризорных. Детские городки. Бюджет детского дома. Выпуск воспитанников из детских домов. Вовлечение подростков в сельскохозяйственную работу. Беспризорник на производстве. Передача беспризорных в крестьянские семьи. Кустари и беспризорные. О детской социальной инспекции. Размещение подростков по промышленным предприятиям. Определение беспризорных в музыкантские команды. Ночлежки. Беспризорность и детская преступность. Кто ведет борьбу с правонарушениями несовершеннолетних. Воспитание и обучение умственно-отсталых, больных детей и подростков. Предупреждение беспризорности. Единое руководство и финансовая база. Генеральный план по борьбе с детской беспризорностью. Как будут размещены беспризорные. Организация новых учреждений. Мероприятия по трудовому устройству беспризорных. Норма расходов. Профилактические меры. Сколько будет затрачено на беспризорность. Откуда будут взяты эти средства. Некоторые выводы.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПЕДАГОГИКА СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО ДОМА

Сборник по вопросам содержания и методов работы детского дома. К Всероссийской Конференции работников детских домов. Под ред. С. С. Тизанова, В. М. Васильевой и И. И. Данюшевского.

Стр. 260.

Ц. 1 р. 95 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

в Торговый Сектор Госиздата — Москва, Центр, Богоявленский пер., 4, тел. 2-65-31 и 5-50-80. Ленинград, Ленотгиз, просп. 25 Октября 28, тел. 5-34-16 и во все магазины и отделения Госиздата РСФСР.

Москва, Центр, Госиздат „Книга Почтой“ или Ленинград, Госиздат „Книга Почтой“ или Ростов и/Д, Госиздат „Книга Почтой“ или Казань, Госиздат „Книга Почтой“, а на Украине — Харьков, Госиздат РСФСР „Книга Почтой“.

Высылают немедленно книги по всем вопросам, имеющиеся на книжном рынке дают советы и указания о книгах по любому вопросу. **Книги высыпаются:** при стоимости заказа до 1 руб. только по получении стоимости. Заказы стоимостью выше 1 руб. исполняются по получении задатка в размере 25% стоимости заказа, на остальную сумму делается наложенный платеж. При получении всей стоимости заказа вперед — пересылка за счет „Книга Почтой“.

Цена 50 коп.

